ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ
СПЕЦНАЗ
ГРУ
Сергей САМАРОВ
ДАО ВОИНА
UN

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Дао воина

«Автор»
2006

Самаров С. В.

Дао воина / С. В. Самаров — «Автор», 2006 — (Спецназ ГРУ)

«Победить даже тогда, когда против тебя все» – таков девиз отряда спецназа ГРУ «Боевой дракон». Этот отряд – словно кость в горле у чеченских боевиков. Именно против него они затеяли грязную провокацию, обрядив банду отморозков-наемников в форму «драконов», бесчинствующих в мирных селах. И они своего добились: настоящим «драконам» приходится скрываться в горах – «против тебя все», в том числе и закон. Ясно, что, кроме самих бойцов и их командира, никто не добьется справедливости. Значит, надо взять своих «двойников» и предъявить их общественности. Задачка не из легких: эти звери будут драться до последнего…

© Самаров С. В., 2006
© Автор, 2006

Содержание

ПРОЛОГ 5
ЧАСТЬ I 15
ГЛАВА ПЕРВАЯ 15
ГЛАВА ВТОРАЯ 25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Сергей Самаров
Дао воина

«Умереть достойно умеет каждый человек, вокруг которого умирают часто…

Умереть красиво – удел сильных духом…

А победить, тогда, когда красиво умирают другие, – значит выполнить Дао Дракона…

Победить даже тогда, когда против тебя все…»

Так написано на стене в казарме отдельного отряда спецназа ГРУ «Боевой дракон»…

Написано не на плакате, а прямо на стене красным планшетным карандашом, крупными печатными буквами… Кто-то из солдат написал.

ПРОЛОГ

1

Очередное заседание парламентской ассамблеи Совета Европы затянулось надолго, вопреки обычной и часто хвалимой европейской пунктуальности, что заставило понервничать поваров и официантов ближайших ресторанов, где депутаты Европарламента обычно с удовольствием обедают. Так уж здесь повелось, что депутаты всегда делают заказ на предстоящий обед загодя, иногда даже за несколько дней, и не любят ждать, когда им приготовят. И, скорее всего, не из-за привередливости избалованных цивилизацией людей, а из-за самомнения. Как всякие парламентарии, они считают свою болтовню на заседаниях серьезным делом, способным кардинальным образом решить многие судьбы, следовательно, и себя мнят людьми чрезвычайно важными и занятыми. Что касается нервозности поваров и официантов, то в приличных европейских заведениях не принято подавать на стол остывшие или подогретые блюда, какими их обычно подают в ресторанах и в кафе российских.

Но все неприятности такого плана, как длительная задержка, известно, имеют обыкновение подходить к концу. И данное правило исключений не имеет. То же самое случилось с задержкой нынешней. Срок ее вышел. Поток парламентариев устремился к дверям.

Небольшого роста лысый человек с сердитым брезгливым взглядом вышел из зала заседаний одним из первых. Он очень торопился. Похоже было, что человек основательно проголодался. На широкой лестнице, украшенной сбоку от перил хрустальными светильниками, он вынужденно остановился и долго с вдохновением чихал в необъятных размеров носовой платок.

– Вам бы, лорд, следовало больше заботиться о своем здоровье, а то, чего доброго, сорвутся многие проекты мирового масштаба… – с едва заметной издевкой сказал проходивший мимо один из аккредитованных при ПАСЕ журналистов.

Журналисты между собой так и зовут лорда Джаккоба «хроническим насморком», знают его любовь к публичному чиханию и не упускают случая, чтобы посмеяться над пожилым и недобрым человеком, не жалующим прессу, за исключением, естественно, тех случаев, когда он вынужден оплачивать необходимые ему статьи. Журналисты тоже любят хорошо зарабатывать, а большинство статей о работе ПАСЕ, и особенно статьи, вынуждающие ПАСЕ принять

какое-то очередное решение или хотя бы срочно обсудить для кого-то нужный вопрос, традиционно оплачивается из чьего-то конкретного кармана.

Лорд Джаккоб бросил на журналиста один из своих самых недобрых взглядов, чихнул на прощание громче обычного, убрал в карман платок и заспешил дальше. На высоком пороге он глубоко вдохнул чистого воздуха – было душно, – и также торопливо направился через площадь к выходу в боковую улицу.

Машиной во время сессии лорд не пользовался. Да и к чему здесь машина, когда до гостиницы «Оскар» пройти всего-то двести метров. Перейти эту самую площадь, свернуть за угол и дойти до следующего тихого перекрестка…

* * *

Маленькое кафе на углу. Бордовые с ворсистой бахромой абажуры даже утром создают эффект мягкого среднеевропейского заката. Особенно если сидишь в глубине зала. Первый этаж кафе имеет со стороны фасада не стены, а колонны, соединенные между собой стеклами. Раньше здесь была ротонда, но хозяин, в соответствии со своими вкусами, решил превратить ее в закрытый зал, и вставил эти стекла. Витрина, одним словом, а не стена, но колонны завешаны шторами, и это создает уют. Кафе наполовину заполнено, звучит тихая музыка, слышен гул голосов. Посетители, в основном, друг с другом знакомы. Это постояльцы гостиницы «Оскар», расположенной по другую сторону перекрестка. А кофры с фотоаппаратурой, выставленные рядом со стульями, указывают на профессию завсегдатаев кафе. Журналисты говорят на разных языках, но и общий язык один с другим находят традиционно легко. Схожие интересы давно научили их находить взаимопонимание даже при самом чудовищном произношении простейших слов и общеупотребимых обиходных оборотов.

Только два посетителя – люди типичной восточной наружности, бородатые, высокие, статные, средних лет, с недобрыми глазами под сросшимися бровями – держатся особняком и заметно нервничают. Пьют уже по третьей чашке кофе и смотрят в окно почти безотрывно. Любому понятно, что они кого-то поджидают. Наконец, на противоположной стороне улицы показывается маленький лорд Джаккоб. Нервные посетители оживляются, провожают его взглядами до вертящихся дверей и после этого делают знак официанту, что желают расплатиться…

Официант, давно привыкший иметь дело с людьми, которым порой срочно необходимо убегать, не заставляет себя ждать долго. Не дожидаясь сдачи, посетители восточной наружности сразу поднимаются и выходят, не чувствуя, что к ним привлечено общее внимание.

– Так-так-так… Опять… Полагаю, надо ждать новостей… «Хроническому насморку» что-то привезли… – сказал один из журналистов другому, кивая на улицу за стеклом.

– Что-то произошло или происходит в Чечне… – добавил второй.

– Или что-то произойдет… – сделал собственный вывод третий. – «Хронический насморк» знает о чеченских делах раньше, чем они начинаются. Такое впечатление, что он сам их готовит… И это уже не в первый раз…

– Интересный подход к сути вопроса, хотя и не новый, – с ехидцей в голосе заявил четвертый, и со стуком поставил на стол пустую бутылку из-под пива. На донышке бутылки всколыхнулась пена. – По-моему, ты просто повторяешь то же самое, что говорят с трибуны представители России. Можно было бы и что-то свое придумать…

– А кто тебе сказал, что они говорят неправду, а «хронический насморк» всегда прав? Не сам ли «хронический насморк», когда расплачивался с тобой за очередной материал?

– Не будем ссориться… – миролюбиво сказал первый, и, как рефери на ринге, развел ладони в стороны, будто оттолкнул одного журналиста от другого.

* * *

Как оказалось, спешил лорд Джаккоб вовсе не за обеденный стол, а к себе в гостиничный номер, где, оказавшись в одиночестве, прочихался от всей души. Едва лорд Джаккоб вытер платком нос, раздался телефонный звонок. Оказалось, Джаккоба беспокоил мрачный, как сам постоялец, портье. Он сообщил, что к лорду прибыли гости.

– Вы спуститесь или позволить им подняться к вам?

– Да, я их жду, пропустите…

Через минуту раздался стук в дверь. Лорд потянул за дверную ручку и впустил гостей. Он постарался не чихать, для чего активно пошевелил носом, сдерживая жгучее и такое привычное желание смачно чихнуть.

Гости поприветствовали хозяина уважительно, с традиционным вежливым восточным поклоном, приложив правую руку к сердцу.

– Вы задержались… – сказал один из них недовольно, демонстрируя, что быть вежливым – еще не значит подчиняться.

– Утренняя сессия затянулась. Вопрос стоял такой, что вызвал разброс мнений… – сердитый лорд словно даже извинялся, чего от него не все могли бы ожидать.

– Это нас волнует мало. Мы договорились с вами на определенное время. А наше положение обязывает нас сидеть в тени, не показываясь на глаза полиции. Но мы вынуждены были дожидаться вас в кафе напротив, восседая рядом с журналистами, среди которых всегда полно агентов Интерпола…

Лорд вздохнул. Он не привык, чтобы с ним разговаривали так агрессивно, но возразить ему оказалось нечем, поскольку он и сам прекрасно понимал, насколько гости правы, и, заботясь о собственной безопасности, они одновременно, заботятся о репутации и самого лорда.

– Ладно, приступим к делу, – устало сказал лорд Джаккоб. – Когда будут готовы материалы для прессы? И… Сейчас это очень важно… Вопрос финансирования…

– Деньги мы привезли. Сто тысяч долларов…

– Этой суммы хватит только для начала кампании. Впрочем, ее продолжение во многом будет раскручиваться автоматически и не потребует крупных влияний… – Лорд резко вытащил платок из кармана, задумался, пошевелил носом, соображая, чихнет ли он или сможет переждать, решился – сможет переждать, и спрятал платок. – Но мне нужны конкретные сроки, чтобы загодя начать подготовку общественного мнения…

– Мы думаем, что месяца нам хватит. К сожалению, пока не хватает людей.

– Целый месяц! Это слишком долго… Если мы начнем кампанию сейчас, наш выстрел окажется холостым. Я бы попросил вас поторопиться. Отребья везде много… Вы можете набрать людей даже в Европе. Среди боевиков местной русской мафии.

– Если бы было можно, мы давно уже набрали бы… Нам нужны не просто боевики, а специалисты, способные сыграть отводимую им роль!

– Да уж, роль нужно сыграть хорошо! И все же – я попросил бы вас поторопиться…

– А мы попросили бы вас еще об одной услуге… Когда будут определены конкретные сроки, вы должны быть со своей комиссией в России, чтобы случайно оказаться рядом с местом событий. Вы можете, например, проехаться по лагерям беженцев в Ингушетии… И обязательно имейте под рукой журналистов… Побольше…

– Это не вопрос… Журналисты будут.

– Тогда мы договоримся…

* * *

Посетители лорда вышли из гостиницы, неторопливо осмотрелись, обменялись парой слов и направились по улице в разные стороны. На противоположной стороне, рассматривая их, остановился вышедший из кафе один из тех журналистов, кто обсуждал визитеров «хронического насморка». Фотоаппарат в его опущенной руке несколько раз едва слышно щелкнул.

– Будем знакомы… – с довольной улыбкой пробубнил журналист себе под нос… – На сей раз Лион останется доволен…

2

Дверь поскрипывает на ветру. Нудно и беспорядочно. Противный скрип раздражает…

Дом не жилой, а какой-то сарай, и, скорее всего, использовался он раньше для содержания скота. Стены выложены из слоистого, с прожилками слюды природного камня, почти не обработанного, а просто подобранного по размеру, и вместо обычного раствора при кладке здесь использовалась глина, со временем и дождями вымытая, и ветрами выветренная – камни пошатываются, и любой угол может быть без проблем выворочен добрым ударом ноги. Пол в сарае земляной, плотно утоптанный. Сейчас здесь навоз вычищен, и пол, присыпанный свежими опилками, утрамбован и ничем не напоминает о бывших жителях помещения, но неистребимый запах навоза остался здесь, кажется, навсегда. Впрочем, к этому запаху привыкаешь быстро и перестаешь его замечать. А расположили в сарае людей, похоже, неприхотливых, которые туалетную воду используют нечасто, а что касается воды питьевой, то им не нужны новомодные фильтры и вода из чистого ручья, что бежит, журча, неподалеку, вполне устраивает их. Более того, и воду они иной раз заменяют водкой, о чем свидетельствует большое количество пустых бутылок, валявшихся во дворе и на территории вокруг него…

Если судить по тому, что все одеты в камуфлированную форму, можно подумать, что люди эти или солдаты, или боевики, которые у всех на слуху, но которых официально здесь, на приграничной территории Грузии, населенной чеченцами, не существует. Тем не менее оружия у людей нет.

Впрочем, люди с оружием тоже имеются. Они имеются и в жилом доме, закрытом для тех, кто живет в сарае… Имеются вокруг этого дома… Один из таких вооруженных людей, тоже одетый в «камуфляжку», сидит посреди двора около костра, привычно поджав под себя ноги и зажав между коленей автомат, уставленный стволом в чистое, без облачка небо. Человек то ли смотрит в огонь и о чем-то думает, то ли просто спит с открытыми глазами. Спать с открытыми глазами некоторые люди умеют так, что со стороны никто не подумает, будто они спят.

Однако на изменившийся скрип двери сарая человек сразу поднимает голову, и правая рука его привычно перехватывает автомат так, чтобы при необходимости можно было бы использовать его по прямому назначению.

Из сарая в ночной мрак выходит человек, держа в руке пустую бутылку из-под водки. Он со злобой швыряет бутылку через забор, тоже сложенный из природного, как и стены сарая, камня, и трет виски ладонями – голова болит, словно ее раздирают на части, затем идет к костру неверной походкой. Ноги человека слушаются плохо. Часовой у огня смотрит на него с недоброжелательностью и легким презрением.

– Похмелиться дай! – грубо требует вышедший у часового.

– Утро будет, дадут… – с сильным акцентом отвечает тот.

– Сдохну до утра…

– Вода пей… – кивок на глиняный кувшин.

Человек зло мотает головой, морщится, садится на камень рядом с часовым и пьет из кувшина, стоящего тут же. Пьет, впрочем, недолго. Вода ледяная, из ручья, питаемого ледниками. Она перехватывает горло, тяжелым зубилом вламывается в зубы. Кувшин ставится на землю, и руки тянутся к костру – погреть озябшие пальцы. Но костер уже почти прогорел, только слабые красно-желтые язычки пламени тянутся кверху из багрово-черных углей. И человек подбрасывает в костер пару новых поленьев и небольшую охапку хвороста. Для себя выбирает щепку короткую и не слишком толстую, чтобы угли перемешать. Внешне щепка напоминает нож. Перемешивает. Но щепка слишком коротка, и жар обжигает руки. Не выпуская щепку из руки, человек потирает второй рукой опаленную кисть, смотрит на часового, с презрением поглядывающего на него, и тут же молниеносно бьет щепкой прямо в глаз, глубоко вгоняя острый обломок дерева в голову, прямо в мозг.

Часовой не успевает произнести ни звука и падает головой прямо на протянутую руку. Рука убирается, вторая рука перехватывает автомат, тянет его на себя, а часовой мертвым падает лицом в костер, и тонкая щепка, торчащая из глаза, сразу занимается пламенем. Противно пахнет и потрескивает громче углей паленая борода.

Человек поднимается, коротко и с опаской оглядывается и быстро, в три скачка, подскакивает к каменному забору. Теперь его движения легки и выверены. Куда только испарилась пьяная неверная походка, что только минуту назад вызывала презрение у часового… Забор пробуется рукой на прочность. Рука опирается на него, легкий прыжок, свидетельствующий о том, что человек находится в неплохой спортивной форме, и быстрый, беззвучный спуск по темному, поросшему кустами склону.

Со стороны хорошо видно, что передвигаться неслышно человек умеет, и прекрасно умеет прятаться, используя каждый куст, каждый валун, каждую неровность склона. Движения его легки, просчитаны и отточены. Тропы, сбегающей вниз зигзагом, он старательно избегает, только дважды пересекая ее в местах, где она прикрыта со всех сторон кустами. Ближе к низине, где журчит быстрый ручей, кусты становятся гуще, местами вообще кажутся непроходимыми, но это впечатление обманчиво. Человек умеет хорошо передвигаться по такой местности. А камуфлированная форма делает его вообще невидимым со стороны. Около ручья он залегает под кустом, в пяти метрах от тропы, подходящей к камням, уложенным через ручей так, чтобы можно было перейти его, не замочив ноги, ступая с одного камня на другой.

Человек ждет чего-то, напряженно слушает и вглядывается в окружающий сумрак…

Небо над горным хребтом, уходящим на восток ломаной линией, начинает светлеть, и сама линия вершины хребта очерчивается более четким серовато-розовым контуром. Казалось бы, после происшедшего наверху, во дворе, где остался догорать костер и где остался лежать труп, человеку следует поторопиться и постараться уйти как можно дальше от места происшествия. Но он уходить не торопится. И, как оказывается, ждет не напрасно…

Сверху раздаются крики. Понятно, что убитого обнаружили. Раздается одинокая автоматная очередь. Не прицельная – для прицельной она слишком длинная. Сигнальная! Тревожная! Человек у ручья слушает, но голову не поворачивает. Происходящее ожидаемо. Для него самого гораздо важнее услышать или увидеть другое. И он видит и слышит. Сначала голос. Говорят по-чеченски, язык незнакомый, и потому слова разобрать человек не старается, но он ухмыляется, когда раздается отборный русский мат, хорошо им понимаемый. А потом он видит и бородатого боевика, который встает, держа возле уха трубку переговорного устройства, и осматривается. И рядом сразу же встает другой боевик, тоже осматривается. Они всего-то в пяти метрах на другом берегу ручья. Но не слышали, как он подошел к ним так близко. Он тоже не слышал их, но знал, что они должны здесь оказаться. Он был уверен в этом, потому и лежал так долго. Опыт помог правильно определить ситуацию и вычислить месторасположение предполагаемого поста.

Медленно поднимается автоматный ствол, щелкает, опускаясь, предохранитель, и сразу же звучат две короткие очереди.

Пусть свободен… Не забыть бы только забрать с поста запасные рожки к автомату. Патроны могут еще сгодиться…

* * *

Теперь – вперед… Нужно как можно быстрее идти, перемежая быстрый шаг с легким бегом, не забывая про осторожность, потому что места здесь опасные, и не только из-за присутствия боевиков. Сами местные чеченцы не менее опасны, чем боевики. Такую же угрозу представляют собой и грузинские пограничники, давно и прочно боевиками купленные и повязанные.

Вперед и вперед… Как можно быстрее и как можно дальше…

Вернее, назад… Туда, откуда его привезли… Вперед – это в Россию, через места, где боевиков сразу за границей еще больше, и неизвестно, когда доберешься до русских… И непонятно, сможешь ли выйти на российских пограничников… Более того, неизвестно, как пограничники тебя встретят и чем «согреют»… А в обратную сторону путь знаком, и, если добраться почти через всю невеликую по размеру Грузию до Поти, есть возможность спрятаться…

3

– И какого хрена этому козлу надо?

Вопрос звучит в меру агрессивно.

– А только сам хрен это и знает… Что-то насчет твоего сына, я понял, сказать хочет… Так сказал… И твое уж дело – решать…

– Насчет сына? – Саня Саблин, человек с ледяным взглядом, соответствующим его кличке Эсэсовец, или просто Саня Эсэс, усмехнулся и почесал несколько дней небритый подбородок. – Я сам сына в последний раз видел восемь лет назад. Он тогда в школу пошел, а меня во второй раз «закрыли»… Когда ты этого козла снова увидишь?

Собеседник пожимает плечами.

– Домой вечером пойду, забегу по-соседски…

– Скажи, завтра и я загляну. С самого утра. Пусть ждет…

– Ну-ну… Не рано тебе выползать?.. Может, его сюда приволочь?

– Надоело все… Не выползу, сдохну здесь от тоски…

Собеседник выдерживает долгую паузу, мычанием показывая, что он раздумывает.

– Меня еще один вопрос волнует… Откуда он про тебя знает? Может, сразу и «зарыть» его, чтоб вопросов не возникало?..

– «Зарыть» всегда успеем… А откуда знает… Мне и самому это интересно… Может, это он и есть?..

Саня не договорил, кого он имеет в виду. Собеседник понял его и без того, потому что возникший вопрос беспокоит их уже несколько дней…

История с Эсэсовцем приключилась, в самом деле, странная. Соло на барабанах среди церковного хора, а не история… Саня раньше думал, что такое только в кино бывает. Он ведь мысленно уже приготовился к тому, чтобы отбывать свой очередной срок по полной программе, и теперь уже не по «хулиганке», как дважды раньше отбывал – сначала в армии, когда, через неделю после возвращения отдельного батальона спецназа ГРУ из Афганистана и за месяц до дембеля в увольнении избил двух гражданских. Потом уже на «гражданке», когда по пьянке подрался… Теперь же он пошел по статье серьезной, «за убийство при отягчающих обстоятельствах в составе организованного преступного сообщества». Идущему по такой ста-

тье на скорое освобождение надеяться не приходилось. Следствие тянулось полгода, суд – еще пару месяцев, и конца ему пока видно не было, а СИЗО[1] уже осточертело до тошноты, и хотелось скорейшего окончания нервотрепки и отправки в «зону», пусть и «строгую», которой он раньше «не нюхал». Он очень устал от следствия и суда, появилась апатия и равнодушие к своей судьбе.

И вдруг – такое дело… Очень неожиданное и непонятное, потому что Саня Эсэс никогда не считал себя серьезной фигурой в уголовном мире, которая может кого-то по большому счету заинтересовать и кому-то влиятельному понадобиться. Он даже авторитетом себя не считал, хотя среди друзей пользовался славой отчаянного человека и сам знал, что всегда был способным на Поступок… Именно с большой буквы. Это подразумевает, что он может решиться на то, на что не решаются другие. И тем не менее… В уголовной среде свои понятия. Обыкновенный «баклан»[2] и в убийство влез по чистой случайности, благодаря все той же своей решительности и отчаянности, а остальное уже следаки накрутили… Однако кого-то он заинтересовал и кому-то понадобился. Вот только кому и зачем… Этого Эсэсовец не знал, но был уверен – человек мало влиятельный и небогатый никогда не сможет организовать все так, как было организовано в его случае.

…Два «вертухая»,[3] что привезли его в суд на очередное заседание, остановились в коридоре на первом этаже большого здания суда перед боковой лестницей. Людей видно не было. Один отвернулся, присматривая за самой лестницей и коридором, настороженно вслушиваясь, а второй протянул Эсэсовцу короткий, тяжелый, очень острый нож, завернутый в грязную тряпку, чтобы на ноже его отпечатков пальцев не оставалось.

– Короче, парень, бьешь меня сюда… – палец показал на ребра в левом боку и даже обозначил направление удара. – Чтобы вскользь, непроникающее… Смотри осторожнее, у меня детишки мал мала меньше и все жрать, падлы, каждый день просят… А потом его, – теперь палец показал на затылок второго, отвернувшегося, – рукояткой по голове. Но не сильно, только чтобы кожу рассечь, и кровь за шиворот пустить…

– Чего? – напрягшись, не сразу врубился в ситуацию Эсэсовец.

– Слухай дальше внимательно… Выскакиваешь, значит, не через заднюю дверь, а через парадный вход. По улице идешь спокойно – поворачиваешь направо, идешь… до угла, за ним тебя ждет синяя «пятерка». Ключи в замке. Едешь вот по этому адресу. Там тебя ждут, – конвоир протянул бумажку, которую Саня сразу же зажал в кулаке левой руки, а правой взял нож. – Шуруй… Только не перестарайся…

И «вертухай» быстрым привычным движением снял с Эсэсовца наручники.

От растерянности Саня Эсэс и правда слегка перестарался. Первого ткнул, как просили, аккуратно, и тот сразу осел, закатив наглые козлячьи глаза. А вот второму, так и не повернувшемуся, нанес добротный полновесный удар, как когда-то учили во времена срочной службы в спецназе ГРУ. В Афгане навыки наносить удар по затылку пригодились… Часового тогда снимал с единственным звуком – треском черепа… И сейчас вложил в удар всю свою накопившуюся злость…

Дальше действовал так, как инструктировал «вертухай». Правда, сначала вытер окровавленную руку о мундир второго конвоира, чтобы окровавленная ладонь не бросалась в глаза прохожим. Потом спокойно, без суеты пошел по коридору. И даже таблички на дверях с улыбкой перечитал.

Вот и выход!..

---

[1] СИЗО – следственный изолятор.

[2] Баклан *(уг. жарг.)*– осужденный по статье за хулиганство.

[3] Вертухай *(уг. жарг.)* – конвоир, надсмотрщик, контролер.

Полная свобода! Такая желанная, но недавно еще казавшаяся чем-то настолько далеким, что о ней даже не мечталось… Саня Эсэс спустился с крыльца, осмотрелся и неторопливо пошел по улице. Демонстративно лениво зевнул пару раз, и даже потянулся. Обещанная «пятерка» действительно стояла за углом. Он открыл дверцу и сел за руль. Тугая коробка передач все же послушалась, слегка проскрипело сцепление, и машина тронулась. Саня на ходу глянул в бумажку, где был написан адрес, сам адрес запомнил, а бумажку выбросил в окно. Улика…

Все пошло так, как должно было идти. В Эсэсовце проснулась былая энергия, апатия ушла бесследно, и голова заработала четко и ясно. Сразу встал и вопрос, которые не возникли в момент освобождения: «Во что его ввязали? Кто и зачем взялся обеспечить такой рискованный побег? Какой смысл в этом побеге? Какую цель преследует организатор?» Знать бы сразу, может, не стоило бы тогда и ввязываться… Но раз уж ввязался… Подсказка должна была прийти после визита по указанному адресу. И Саня уже подъехал было к нужному дому, однако во двор так и не заехал, остановился у бордюра, раздумывая.

Подумать есть о чем!

Тот, кто взял на себя организацию такого серьезного дела, как побег из-под охраны, может так действовать только в случае, если желает втянуть Эсэсовца в какое-то более серьезное, чем он натворил, дело. Но нужно ли лезть в него Сане? Ответ пришел сразу – лучше быть одиночкой в розыске, чем крутым парнем на чужом прицеле…

И тогда он, развернув машину, отправился в отдаленный заводской район к хорошему знакомому, который обязательно спрячет, давая возможность отлежаться на время поиска. Тот и спрятал. Даже совершенно «чистую» квартирку подыскал – через пару кварталов от своего дома, поскольку у него самого дома жена, дети и старушка-мать, которым все не объяснишь…

Этот вот знакомый и принес весть – к нему обратился сосед по гаражу – чечен, живущий неподалеку, он просил Эсэсовца заглянуть к нему и отведать чеченское угощение… Пообещал накрыть хороший стол…

* * *

Весь день Санька Эсэс лежал и думал. От этих раздумий у него распухла голова. Появление чечена, который им интересуется, его не обрадовало. С чеченами связываться – себе дороже… Но откуда этот чечен узнал о местопребывании Саньки и откуда он может что-то знать о его сыне?.. Скорее всего, подсказывала логика, он причастен к организации побега. Должно быть, за той синей «пятеркой», на которой Эсэсовец уехал от здания суда, следили. И вычислили местонахождение. Санька явно «прокололся», не усмотрев за собой слежку. Он даже не высматривал ее, ни разу не «проверился», хотя сам всегда хвастался, что он служил в спецназе ГРУ и может все, что положено мочь армейскому разведчику. Конечно, он немножко хвастался, потому что солдат далеко не все может, что может, скажем, кадровый офицер-спецназовец, но тоже умеет немало…

Вопросов было много. Чтобы получить на них ответы, Эсэсовец решил встретиться с тем самым чеченом.

* * *

Дальше все стало происходить так же быстро, как и начиналось…

Утром Санька вышел из квартиры, где спрятался, и немного побродил по улицам, присматриваясь к прохожим и привыкая к поведению человека, которого разыскивают все ищейки города. И даже не только к этому. Необходимо было заново привыкать к многолюдью. А заодно и проверить, есть ли «хвост». Потом остановил первую попавшуюся машину и поехал по нуж-

ному адресу. Приняли его не с распростертыми объятиями, и без накрытого стола, и сразу же сообщили новость – вчера в госпитале простился с жизнью тот «вертухай», которому Эсэсовец приложился к затылку рукояткой ножа. И самое меньшее, на что ему теперь приходится рассчитывать, – пожизненное заключение. Причем под надзором тех же самых «вертухаев», коллег погибшего…

– Не верю… – спокойно возразил Санька, хотя внутри почувствовал холодок, пробежавший даже не по телу, а по внутренностям. – Я аккуратно бил… Только на отключку…

– Квалификацию, наверное, слегка растерял…

Убеждать активно его не стали. Просто протянули клочок бумаги типа того, что давал ему «вертухай» в момент побега. Листок из школьной тетрадки в клетку. Только тогда на бумажке был написан адрес, а теперь телефонный номер и фамилия.

– Звони в приемный покой госпиталя. Спроси сам, как самочувствие больного…

Санька позвонил. Ответил ему равнодушный и хронически сонный женский голос:

– А кто спрашивает?

– Товарищ по службе…

– Товарищ… – теперь в голосе прозвучало откровенное неодобрение. – Родственникам помогите… Больной умер…

И тогда Эсэсовец понял, что стоит на самом краю пропасти, покачивается, рискуя каждую секунду свалиться, и единственная рука, за которую он может ухватиться, протянута ему чеченцами. И он протянул свою руку навстречу.

– Какого хрена от меня надо?

– Надо поехать в Грузию. Курортные, понимаешь, места…

– Пусть так… Я люблю отдыхать там, где меня не ищут… Что придется делать на курорте, я думаю, вы мне до конца не расскажете?

– Нет, не расскажем…

– Ясно. А что ты мне хотел про сына сообщить?

– Твоя бывшая жена неудачно вышла замуж. Сначала ничего, жила, потом мужик пить начал… И сына твоего бьет… Жалко пацана…

Эсэсовец хмыкнул.

– Мне надо разобраться… Где их искать?

– Мы сами разберемся. Нам надо, чтобы ты был спокоен и деловит…

Вот так… Чтобы и благодарным остался за заботу о потомстве, до которого ему дела по большому счету нет…

– Спасибо… Но еще раз вернемся к вопросу о поездке… В общих чертах… Что я должен буду делать в Грузии?

– У нас там не хватает серьезных и решительных ребят с военной подготовкой, которые помогают решить некоторые внутренние разногласия. Кроме тебя там будут и другие, тебе подобные… Может быть, кого-то из них ты даже знаешь… Около взвода наберется…

– А почему сами не можете уладить разногласия? Зачем вам нужны русские? Вам же нужны, как я понял, именно русские?

– Правильно мыслишь… Именно русские… А сами не можем, уладить – тейповые[4] связи мешают, каждый кому-то родственник.

Эсэсовец долго думать не привык.

– Когда едем?

– Скоро. А теперь, чтобы помочь и нам, и себе, напряги память… Мы знаем, что у тебя отличная память. Ты знаешь еще кого-то из спецназовцев, кто прошел твой путь… Через «зону», с последующими неприятностями…

[4] Тейп – родоплеменное объединение у кавказских народов.

– Отчего же не знать. Навскидку… Мой бывший командир взвода. Его еще в Афгане «закрыли». Дым Дымыч Сохатый. Дмитрий Дмитриевич Лосев – на самом деле.

– Чем он сейчас занимается?

– Я слышал, он киллер высокого класса…

– Где его найти, ты знаешь?

– Я не знаю. Но есть люди, помогут… Только должен предупредить сразу – он, как мне говорили, привык к высокой оплате и не прощает тех, кто его кидает… Но лучше его спеца найти трудно… Рекомендую подумать…

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В оптический прицел было хорошо видно сутулого бородатого человека, сидящего в трех метрах от группы, состоящей из двенадцати боевиков, одетых в одинаковую камуфлированную форму, расцветкой слегка отличающуюся от «камуфляжки» Российской армии. Кажется, натовская расцветка, может быть, форма из той большой партии обмундирования, что была недавно поставлена в Грузию… На тринадцатом «камуфляжка» точно такая же, как и на остальных. Но оптика позволяет рассмотреть и многое другое. Лицо сутулого в профиль видно отчетливо, и можно разобрать неровный красный шрам на щеке, широкой стороной уходящий в густую бороду. И рваный лоскут, свисающий с рукава и обнажающий волосатый бицепс, заметен. У винтовки сильная оптика… В бинокль человека, конечно, тоже видно. Но в бинокль трудно определить, чем он занят. Впрочем, и прицел снайперской винтовки не полностью проясняет это…

– Такими движениями, как я понимаю, только бутылку открывают… – словно бы самому себе прошептал подполковник Клишин, командир отдельного отряда спецназа ГРУ «Боевой дракон», наблюдая за сутулым. – Когда штопора нет и пробку приходится гвоздем выковыривать.

Подполковник от природы человек говорливый и любит комментировать свои мысли и свои действия. В отряде все к этому привыкли и, когда Клишина нет рядом, порой его передразнивают.

– Что-то точно выковыривает… – медленно выговаривая слова, словно умышленно заикаясь, едва слышно ответил в микрофон «подснежника»[5] штатный снайпер отряда старший лейтенант Богуш. – Только вот где у него бутылка? Между коленей зажал?

– Запомните, молодой человек, пробки ставятся только в бутылки с хорошим вином. А боевики здесь больше привыкли дерьмовую самогонку без закуски жрать… Подожди-ка… Вот так, он повернулся… Гвоздем он ковыряет, но что? Похоже… Что он ковыряет, а? Похоже, второй гвоздь?.. Который побольше… А?.. Скажи-ка мне, друг «Робин»…

– Ковыряет, – Богушу в оптический прицел лучше видно, чем командиру в бинокль. – Только не гвоздь, а, сдается мне, запал от гранаты…

– Даже так? Ну-ка, молодой человек, ну-ка… Да, похоже, ты прав, как бываешь иногда правым… Очень похоже…

Удовлетворенный Клишин пододвинул микрофон ближе ко рту. Инстинктивное движение. Его и без того слышно хорошо всем. Но когда хочешь, чтобы тебя слышали издалека, пододвигаешь микрофон ближе.

– «Гном», ты где отдыхаешь? – требовательно прозвучал в эфире вопрос.

– Как и все, командир… Природой любуюсь…

– Бинокль у кого-то рядом есть?

– Найдем… Есть у «Анчара»… Вот, мне протягивает…

---

[5] «*Подснежни*к» – миниатюрная коротковолновая радиостанция ограниченного радиуса действия, предназначена для обеспечения связи внутри небольшой группы.

– Посмотри, что там в стороне парень делает? Сутулый такой и на удивление трезвый…

– Пару минут, командир, только в сторону отползу, чтобы лучше видно было.

Пара минут без проблем уложилась в минуту, на протяжении которой в эфире стояла тишина.

– «Друг», я – «Гном»… А ведь точно… «Робин» прав… Запал расковыривает… Рисковый, зараза, как я… Только я для такой работы на десяток метров отхожу, а этот рядом со всеми…

– Это все остальные рисковые, а не он… – мимоходом, словно ворча, выдал свою интерпретацию происходящего подполковник.

– А что, можно и так сказать… – легко согласился «Гном», то есть лейтенант Тропилин. Он всегда со всеми легко соглашается, потому что характер у человека легкий. Лейтенант обладает необыкновенным терпением и трудолюбием. Все и всегда делает со старанием и тщанием. – Но его, надо думать, никто за такие действия не грозится под суд отдать, а меня уже пару раз обещали… В том числе и вы, товарищ «Друг»…

– Если обещал, значит, отдам, когда ты мне не будешь нужен… Раньше не надейся. Поэтому старайся быть нужным…

Лейтенант Тропилин – известный специалист по усовершенствованию имеющейся в наличии военной техники. Рационализатор, как говорят про него с улыбкой. Именно он предложил ставить в мины «МОН-50», взрыватели-натяжители к которым в большом дефиците, запалы от гранат «УЗРГМ-2». Дело простое: отвинчиваешь с мины медное кольцо, и запал входит в гнездо идеально. Протягиваешь леску и получаешь готовую к применению растяжку. Беда в том, что подобная растяжка дает три с половиной секунды для принятия решения – хочешь, взрывайся после щелчка, хочешь, прыгай подальше, и лучше за камни… По крайней мере, шанс на спасение у тебя есть, и сохранение жизни полностью зависит от быстроты твоей реакции… И боевики, и бойцы федеральных сил умеют эти три с половиной секунды использовать. Тропилин и здесь выход нашел, чтобы лишить последнего шанса выжить неосторожного боевика. Обыкновенным тонким гвоздиком предельно аккуратно проковыривал в той части запала, где находится замедлитель, дырочку, и через нее ссыпал из замедлителя порох, получая взрыватель немедленного действия. Рационализация получила широкое применение в других частях, где имеются «кулибины». Но Тропилин всегда уверяет, что это его собственное изобретение. Сейчас, похоже, его изобретение и боевики применяют – земля слухами полнится, вот слухи, надо думать, и до них дошли…

– «Друг», я «Весна»… – подал голос капитан Трошин. – Похоже, они для нас ту самую ловушку именно здесь ставят, на месте… С моей стороны хорошо видно. У них между двумя кустами четыре «МОН-50» и две «МОН-100» уложены. Не складированы, а именно уложены. В землю, в углубления.

– Мне тоже видно, – добавил «Робин», не отрываясь от прицела «винтореза».

– Я – «Друг»… – голос Клишина прозвучал уже строго. – Внимание всем «драконам»… Продолжаем наблюдение. Действовать только по моей команде. Соблюдать скрытый режим… Окружение завершено?

– Я – правый фланг, – доложил капитан Трошин. – Без бинокля вижу левый лежачим под боком у себя… Могу рукой дотянуться… Значит, уже не уйдут…

* * *

Время тянется медленно, как всегда бывает, когда ждешь. И пальцы, нетерпеливо замерев на спусковых крючках, чуть заметно подрагивают. В момент прицеливания палец обязательно должен быть расслаблен. Но в момент ожидания он напрягается против воли. И глаза

от напряжения начинает слегка ломить. Бой уже начался, но он носит пока еще чисто эмоциональный характер.

Боевики поднялись от костра только через сорок минут. Лениво потягиваясь и разминая затекшие от долгого сидения ноги и спины… Эмир джамаата Сафар – высокий чеченец с тонкой талией, с видимым трудом приподняв перевязанную после ранения руку, посмотрел на часы и нервно сказал что-то человеку, сидящему рядом с полевой рацией. Похоже, колко упрекнул того… В ответ радист недовольно плечами передернул и что-то сказал. Высказались и остальные боевики. Они, похоже, обсуждали сложившуюся ситуацию… Должно быть, еще не поняли ее, а потому чувствовали себя неуверенно. В итоге, обменявшись мнениями, решили, кажется, подождать еще несколько минут. Сели снова… Радист с рацией заговорил резко, с недовольством, пытаясь пробить сквозь вязкий эфир связь, которая пробиваться не желала, несмотря на все его усилия… Были бы вокруг горы поскалистее, отсутствие связи было бы понятно. В скалистых горах со связью всегда напряженка. Но здесь горы небольшие, лесистые – в таких местах связь обычно осуществляется нормально. Однако, как оказывается, не всегда…

Боевики продолжают вяло разговаривать. Жалко, что бинокль и «оптика» снайперских винтовок приближают объект, но не приближают звук, хотя подполковник Клишин читал в журнале для специалистов по оружию, что американцы разрабатывают полицейскую снайперскую винтовку с дистанционным лазерным звукоснимателем, позволяющим слышать и разговоры. Вот бы сейчас такую сюда, в чеченские горы… Помогла бы основательно…

Ясно одно – боевики не могут понять, что происходит…

Но ситуацию прекрасно понимают те, кто наблюдает за ними.

Спецназовцы еще пару часов назад перехватили и на месте, скоростным методом, обычно не дающим сбоев, допросили разведчика-радиста джамаата, растянувшего антенну своей рации с дерева на дерево. Но рация не армейского образца, провод антенны для маскировки был поверх никеля выкрашен зеленой краской. А краска на проводе всегда держится плохо. И эта местами облупилась, в результате чего никель на солнце поблескивал. Это разведчика боевиков и выдало. А он уже и сам не устоял, когда ему предложили «побеседовать» – выдал своих собратьев. Еще сказал, что боевики должны заманить спецназовцев в ловушку дымом костра. Согласно замыслу эмира Сафара, спецназовцы не смогут не среагировать на такой дым в районе поиска. И пойдут на него… Для прямого столкновения у Сафара сил не хватает. Да и не любит эмир, как говорит его досье, прямых обоюдоопасных столкновений. Только позавчера в таком бою эти же спецназовцы прострелили ему руку, и он едва ушел с остатками своего джамаата. Сейчас Сафар задумал другое. И надеется воплотить задумку в жизнь. В момент снятия спецназа с места разведчик-радист должен подать сигнал. А он не подает. И боевики не знают, как им поступить. Ждать дальше у костра – опасно. Уйти – значит не выполнить поставленную задачу, сбежать с поля боя. За это могут и голову снять те, кто платит деньги…

Что должна представлять собой ловушка, разведчик-радист не знал. Если бы знал, сказал бы обязательно, в этом подполковник Клишин полностью уверен, потому что «развязывать языки» спецназовцы умеют в совершенстве. Пришлось гадать, а потом выяснять уже на месте, возле того самого костра, куда бойцы пожаловали раньше запланированного Сафаром времени. Настолько раньше, чтобы успеть самим подготовиться к бою и понять, что представляет собой ловушка.

Осталось, перед тем как начать действие, выяснить детали…

* * *

Прошло еще пять минут.

Эмир Сафар снова поднялся первым, морща лицо, словно только что разжевал лимон без сахара, поправил на руке тугую бинтовую повязку и посмотрел на часы. Еще один взгляд

на радиста. Недовольный взгляд… И вот наконец эмир отдал команду. Выполнять ее начали сразу четверо – стали ворошить обгорелые поленья, раздвигая их явно с определенной целью. Что-то бросили в костер. Снайпер в прицел и командир в бинокль наблюдали за боевиками.

– Не пойму… Что там? Доложи, молодой человек, своему боевому командиру, которого глаза начинают подводить… Или оптика… Она тоже, сам понимаешь, не к каждому глазу подходит…

– Записная книжка… А-ага… По-моему, так…

Подполковник помолчал несколько секунд, всматриваясь в окуляры бинокля, стараясь подстроить их к своим глазам. Подстроил.

– Уговорил… Соглашусь, пожалуй… Книжка… Записная… И что дальше, скажи-ка мне, эмир Сафар?..

Эмир вопрос не услышал и потому ответить не спешил.

Книжка только и успела обгореть по краям, когда ее вытащили и сбили с нее огонь. И радовались при этом, как дети, рассматривая, как она выглядит. Посчитали, что затея удалась. Затем принялись затаптывать костер, поднимая при этом клубы дыма. Потом под прошлогоднюю лежалую листву быстро, привычно и аккуратно уложили провод, протянутый от кустов к потушенному кострищу, прикрепили к книжке. Книжку опять в костер и горелое полешко сверху на уголок будто из-за него книжка и не сгорела. Натюрморт… Находка для художника-баталиста…

Другой конец провода пока еще остался свободен. Он в руках у того, что ковырялся с запалом от УЗРГМ-2. Боевик улыбнулся довольный своей предстоящей работой, играя в героя, почесал запалом шрам на лице и начал крепить конец провода к запалу. Затем поднял руку, требуя внимания, поскольку совершал, по собственному понятию, «колдовские» действия. Другие боевики смотрели на него, но не отходили. Минер в самом деле считается в джамаате Сафара почти колдуном, и ему доверяют безоговорочно. Слава всего джамаата держится на действиях этого минера, специалиста по хитрым ловушкам, – это спецназовцы давно знают, и при случае предпочли бы его уничтожить раньше, чем самого эмира Сафара.

– «Робин»… – подал подполковник команду снайперу. – Овсь…

Старший лейтенант отлично понял, что «Овсь» – это лаконичная форма команды «готовсь». Он и без того готов. Осталось только самое малое – задержать дыхание перед выстрелом и совершить плавное движение пальцем…

– Обслужи…

«Робин» не ответил. Секунду-другую он не отрывает взгляда от прицела. Командир в такие моменты никогда не смотрит на него, боясь сглазить. Он сам от бинокля не отрывается, чтобы наблюдать за происходящим собственными глазами. И он видит, как склоняется «колдун» над уложенными минами. Тут же и куча листвы приготовлена, принесенная с другого конца леса. Листвой потом планируется мины присыпать. И широкоплечий боевик уже держит в руках целую охапку, дожидаясь момента, когда «колдун» вставит запал в отверстие. «Колдун», согнувшись, запал вставляет, и тут же звучит глухой выстрел.

Пуля пробила ладонь, все еще возившуюся с запалом.

Шесть мин взорвались почти одновременно. Первая от запала гранаты, остальные от детонации, сдвинувшей их собственные взрыватели. Именно такой взрыв хотели произвести боевики, но прозвучал он значительно раньше планируемого времени.

Когда погасло пламя и растворился в свежем ветерке сизый лохматый дым, рядом уже не оказалось ни одного стоящего на ногах боевика, только принесенные сухие прошлогодние листья печально кружили над опушкой…

– Всем «драконам»… Я вас поздравляю, ребята, с успешным выполнением первой части задачи. Кажется, боевики потрудились на совесть… Через пару часов приступаем к выполне-

нию второй части. Но сначала осмотрим, чего мы там натворили. Вперед. Соблюдать осторожность… Выходим тройками…

– А вас, товарищ полковник, поздравляем с повышением в звании… – добавил капитан Трошин.

Все «драконы» хорошо знают, что представление на присвоение звания полковника уже лежит у начальства. Клишину так и было сказано, что удачное уничтожение банды Сафара будет означать автоматическое подписание представления.

– Спасибо, только до этого еще базу найти надо… – Клишин, в пределах разумного, скромен, хотя и не краснеет.

Группа спецназовцев с разных сторон – от дерева к дереву, от камня к камню, от куста к кусту – начала стягиваться к потушенному костру. Передвигаются тройками, прикрывая один другого.

Их много – около тридцати человек. Через такое оцепление, даже если кто-то и остался в живых после взрыва, что само по себе маловероятно, проскользнуть невозможно.

2

Пейзаж на заднем плане даже при отсутствии резкости красив. Но задний план можно и не замечать, если в этом нет необходимости. Хотя некоторые и любят порадовать перед выстрелом глаз красивым видом. Некоторые же, наоборот, предпочитают ни на что постороннее не отвлекаться, зная, как важна в решительный момент концентрация внимания. Спорить о вкусах, известно, неблагодарное дело…

Объемный ствол «винтореза» медленно, но неуклонно поднялся до уровня глаза. Рука в перчатке с обнаженными пальцами снялась с ложа винтовки, и указательный палец слегка погладил оптический прицел, словно доброго друга приласкал. Но ласка длилась недолго, через пару секунд рука возвратилась на место, а палец удобно устроился на спусковом крючке. Ствол замер, а затем вздрогнул.

В прицел хорошо видно, как упал на землю медный кувшин, как растеклась множеством мелких струек по каменистой земле вода и одновременно в недоумении распрямился умывающийся мужчина с волосатой грудью, которому женщина только что поливала из кувшина на руки. И только после этого женщина начала оседать на каменистую землю двора. Среди камней островками пробивались пучки травы. Женщина не упала сразу, она будто легла на землю, лицом вниз, и рукой вцепилась в пучок травы. По ее спине медленно растекалось широкое кровавое пятно, не сразу заметное на черной одежде…

И только потом прозвучал крик мужчины. Он взвыл дико, с вызовом, и пригрозил двумя поднятыми к небу кулаками кому-то невидимому. На крик выскочили из дома трое испуганных детей – мальчик-подросток и две девочки. Они тоже попали в обзор прицела. Мужчина давно знает, что такое опасность, умеет ее оценивать реально и быстро и потому сразу схватил детей в охапку, стараясь закрыть собой. Но это не так просто. Дети пытаются вырваться, стремясь увидеть, что же произошло с матерью, и понять, почему она лежит посреди двора…

«Винторез» вздрогнул еще раз, будто бы едва слышно коротко кашлянул. И из-под руки отца сразу и без звука вырвалась, увлекаемая неведомой силой, младшая девочка. Она слишком мала, легка и слаба, чтобы удержаться на ногах и осесть на землю. Ребенка тяжелая пуля отбросила в сторону, безжизненной куклой распластав на земле и перевернув.

Раздался новый крик мужчины… Это уже не крик ярости, это крик отчаяния…

Мужчина толкает, с силой толкает детей, возвращая их в дом. Но новая пуля уже торопится к своей жертве. Она настигла сына, надежду мужчины на защиту в старости…

Третий крик еще отчаяннее – мужчина, привыкший полагаться только на самого себя, презрев собственную гордость, вопит, зовет на помощь.

Но помощи прийти неоткуда… Точно такие же крики уже раздаются с разных сторон стиснутого невысокими лесистыми горами небольшого села… И с дальнего края единственной улицы поднимается черный кудрявый, весело рвущийся на ветру дым. Там, откуда в село вступают убийцы, горит уже несколько домов, оттуда же раздаются частые автоматные очереди, видны воюще-шипящие ленты огнеметов…

Мужчина так и не успел затолкнуть в дом хотя бы единственного оставшегося в живых ребенка. Но от снайпера он его закрыл собой. А самого его, большого и сильного, еще недавно такого уверенного в себе, тоже настигла пуля. Он упал без крика, но среднюю девочку успел накрыть собственным простреленным телом.

Девочка и хотела бы вырваться из-под тяжелого тела, да не смогла. Она дернулась в одну сторону, потом в другую и, обессилев от страха, замерла. Это ее и спасло… Как мелкий зверек из норки, смотрела она из-под мышки отца, куда смогла просунуть голову, чтобы дышать, и отцовская густая кровь тонкой струйкой заливала девочке лицо. Но она видела, как по единственной улице села проходила большая группа военных – человек тридцать. Время от времени кто-то один или двое сворачивали в очередной двор, наверное, и в дом заходили, и оттуда раздавались автоматные очереди.

Девочка совсем притихла, когда отцовская кровь залила ей глаза. Умом она понимала, что следует лежать, не шевелясь и не дыша, но маленькое тельце рвалось к свободе. И все же инстинкт самосохранения сработал, когда камни во дворе заскрипели под чьими-то тяжелыми шагами. Она замерла с закрытыми глазами, и только чуть-чуть приоткрыла их, когда шаги стихли. Кровь отца мешала смотреть. Липкая и горячая, она не останавливаясь, текла на ее лицо. Но все же девочка увидела тяжелые башмаки человека, что остановился рядом. Человек поднял руку отца, а когда отпустил, девочка увидела, что мертвый отец сжимает в руке автомат. Автомат старый, с потертым прикладом и стертой чернью металла. Девочка не понимала, зачем мертвому человеку оружие, но это ее не беспокоило. Ей мешала кровь, и она занимала все ее мысли. Теперь отцовская кровь уже с ее головы капала на землю. А человек постоял минуту рядом, достал из кармана гильзы от автомата и разложил их на земле с каким-то умыслом.

Из дома вышел другой человек. Как только он попал туда – непонятно, наверное, вошел со двора или со спины девочки. Что-то сказал первому на незнакомом языке. Девочка не знала ни одного языка, кроме чеченского, но ей подумалось, что говорят по-русски. На каком еще языке могут говорить эти убийцы…

Как невыносимо хотелось вытереть лицо от отцовской крови… До умопомрачения хотелось вытереть… И она не удержалась, вытерла… Но в это время башмаки пришельцев уже повернулись к девочке каблуками. Послышались шаги, они удалялись…

Когда стихли вдали голоса убийц, она снова попыталась освободиться от отцовского тела, но сделать это было ей не под силу. Нет в маленьком испуганном теле достаточных сил, чтобы сбросить такую тяжесть, мешающую дышать.

Нет, высвободиться ей не удалось… И стал наползать страх… Липкий, как отцовская кровь… Никто не поспешил освободить ее… Девочке показалось, что она осталась в живых одна во всем большом и злобном мире, и подумалось, что скоро она умрет вот так, в мучениях, не имея возможности выбраться. Задохнется под телом отца, который пытался ее спасти…

3

Ильдар Набиев, старший следователь по особо важным делам прокуратуры Южного федерального округа, морщился, закрывая нос платком, основательно пропитанным французской туалетной водой. Жара была ужасная, и вонь стояла соответствующая. Однако вывозить тела с места происшествия пока нельзя – работают эксперты. Вот уж кому достается, так уж достается по полной программе. Здесь и запах, и вид. Но это их работа.

– Вот ты тоже мусульманин, – хрипло, с болью выдавливая из себя слова, сказал Саид-Магомет Ягадаев, старший опер из республиканского управления ФСБ. – Что бы ты почувствовал, когда бы в массовом порядке началось уничтожение твоего народа? Только честно скажи, как мусульманин мусульманину…

– Я не понимаю, при чем тут вера, – осторожный по натуре и всегда контролирующий свои слова, уклончиво ответил Ильдар, понимая при этом состояние опера, сочувствуя ему, но не решаясь пока делать кардинальные выводы. – И уничтожают не народ… Давай будем говорить, как профессионалы… Пока мы встретились с единственным фактом уничтожения жителей одного села…

Набиев по национальности таджик, но у себя на родине в Душанбе заканчивал только школу. После школы учился в Москве, женился в Москве на однокурснице-москвичке и работал в Москве, и лишь недавно был переведен с повышением в прокуратуру Южного федерального округа. Семью при этом в Москве оставил, зная, что отсюда, с Северного Кавказа, из такого сложного региона, в Сибирь служить уже не пошлют, если только совсем не будешь работать провально…

– Массового уничтожения… – уточнил формулировку Саид-Магомет. – Пусть одного села, но массового… Невзирая на возраст…

Зло уточнил, с болью и обидой на судьбу, которая заставила его служить тем, кого он подозревает в этом массовом убийстве, ни с чем не сравнимым.

У него воспалены глаза, словно он только что плакал. Должно быть, от напряжения поднялось глазное давление. И зрачки расширены – тоже признак нездоровый.

Ильдар поднял руку, останавливая Ягодаева:

– Не будем торопиться… Еще раз тебя прошу. Нам с тобой служба торопиться не позволяет. – Ильдар от природы человек вдумчивый, несмотря на горячую восточную кровь, обычно толкающую к эмоциональным выводам. – Мы не знаем, кто здесь действовал, с какой целью и по каким причинам… И делать скоропалительные выводы не просто глупо, но и опасно. Опасно в глобальном масштабе.

– Старуха с простреленным лицом говорит, что слышала, как матерились по-русски…

Восьмидесятисемилетней старухе выстрелили в голову. Пуля вошла через одну щеку, сломала вставную челюсть и вышла через вторую. Ранение легкое, и старуху больше заботит то, что она осталась без зубов, чем само ранение. Шамкая, едва ворочая пораненным языком, она рассказала следователям, что видела. А видела она не много, потому что не выходит из своей комнаты уже почти десяток лет – ноги не слушаются.

Ильдар возразил:

– А на каком языке матерятся боевики?.. Что ваши, что наши – таджикские… Мне рассказывали, что даже в Афгане, во времена той войны, моджахеды матерились по-русски. Нахватались от наших солдат…

– Но стрелял-то в старуху человек в форме?

– В какой форме? В какой форме здесь ходят военные? В «парадке» или в «камуфляжке»? Может быть, с полковым оркестром? – Ильдар даже голос повысил, рассчитывая, что таким образом сможет убедить опера в своей правоте. – И боевики – не забывай! – тоже не в цивильных костюмах по горам шляются.

– Боевики не стали бы уничтожать все село… – настаивал Саид-Магомет. – У нас нет таких данных ни по одному случаю за две войны. Они расправились бы с кем-то, кто открыто считает себя их врагом, но не посмели бы уничтожить всех, потому что это сразу настроило бы народ против них… Я уверен… Так поступать не в интересах боевиков… А искать всегда надо заинтересованное лицо… Только заинтересованное лицо… И девочка слышала русскую речь…

– Во-первых, Абу Малик,[6] говорят, до сих пор не выучил чеченский как следует… Только на бытовом уровне общается… Во-вторых, девочка не знает русского языка и не может утверждать, что говорили именно по-русски. Говорить могли на любом языке, вплоть до китайского. Если помнишь, среди боевиков несколько китайцев числится… Мы с тобой должны истину установить, а вовсе не поддаваться настроению и огульно кого-то обвинять. Так давай будем устанавливать…

– Все равно боевикам бойня невыгодна… Они рискуют потерять последнюю поддержку… Это село не входило в число самых лояльных к власти Грозного… Каждый мужчина имел автомат и, думается мне, не для защиты от соседей… И я уверен…

Набиев поднял с земли стреляную гильзу. Показал:

– Патрон «7,62». Стреляли из «АК-47», который давно снят с вооружения.

– Я видел гильзы и от «АК-74»… Тоже валяются… А старые «калаши» могли взять для маскировки. Боевики, наоборот, взяли бы только «семьдесят четверки»… Я уверен в этом…

– А я не могу быть уверенным ни в чем, пока у меня не будет конкретных доказательств. Хотя, признаюсь, сомнения есть и у меня. Но это только сомнения, и не больше… Будем искать, будем думать…

Ильдар резко обернулся на звук приближающихся шагов.

– Что там еще?..

Большую следственную бригаду сопровождают и охраняют два взвода спецназовцев внутренних войск. Как положено: чем больше прокурорских работников задействовано, тем больше отряд сопровождения. Последняя фраза старшего следователя относилась как раз к спецназу. Командир группы сопровождения старший лейтенант Романов вразвалочку, чуть косолапя, подошел к Набиеву и Ягадаеву. Приложил руку к «краповому» берету так, что непонятно – честь офицер отдает или просто приветственно взмахивает рукой. Впрочем, прокуроры – люди полувоенные и мало обращают внимания на такие военные тонкости, к тому же хорошо понимают, что сами спецназовцы отнюдь не строевики.

– Товарищ полковник, вас на связь требуют. Из Грозного… Срочно…

Набиев со вздохом кивнул оперу, будто бы этим кивком советовал тому впредь думать, перед тем как высказывать свое мнение, и направился к вертолету, рядом с которым развернут полевой автономный узел связи. Радист-сержант торопливо встал с расстеленной плащ-палатки и протянул старшему следователю наушники и микрофон. Ильдар приложил к уху только один наушник и поднес микрофон ко рту, взглядом спрашивая радиста, кому он так срочно понадобился. Впрочем, дело это должно иметь большой резонанс, и потому беспокоить руководителя следственной бригады, можно не сомневаться, будут часто. И не только из Грозного, но и из самой Москвы. Обычно подобные дела берутся на контроль самыми высокими инстанциями. Вплоть до первого лица государства.

Радист только устало пожал плечами и поморщился. Хотя узел связи устроен в стороне от места происшествия, но запах разлагающихся на жаре трупов и до него доносится даже в отсутствие ветра.

– Слушаю, Набиев.

– Ильдар Юсупович… – раздался незнакомый голос.

– Юсуфович… – поправил старший следователь.

– Ильдар Юсуфович, полковник Назаров из РОШ[7] беспокоит.

– Слушаю вас, товарищ полковник.

– У нас тут предвидятся неприятные гости, которые к вам рвутся…

---

[6] *Абу Малик* — урожденный Виталий Смирнов, один из полевых командиров, входит в состав «Рияд-ас Салихьин», батальона, подчиненного непосредственно Шамилю Басаеву. По данным ФСБ, Виталий Смирнов причастен к совершению терактов в Северной Осетии в 2002–2003 годах.

[7] РОШ – региональный оперативный штаб.

Предчувствие старшего следователя не обмануло. Разговор не предвещает ничего хорошего.

– Нам гостей не хотелось бы видеть. Здесь совсем не так уютно, как кому-то кажется.

– Тем не менее… Приказ пришел из Москвы… Принять! Приказы, как вам известно, не обсуждаются. Принять и обеспечить доступ… То есть иностранные журналисты и эксперты ПАСЕ[8] желают знать, что там у вас произошло…

– Откуда у них данные? Мы никому не давали информацию.

– Данные уже обошли весь мир… В Интернете выставлены фотографии с места события… Не одна… Много фотографий, на нескольких сайтах. Понимаете, о чем это говорит? Кто снимал? Когда? С какой целью? Сейчас, кстати, эксперты ФСБ с этими снимками работают. Пытаются определить людей, которые на них изображены. Но суть даже не в этом… Вы понимаете суть?

– Что ж тут непонятного. Лично мне интересно было бы допросить фотографа и владельцев интернетовских сайтов. Может быть, с вашей помощью мы сможем добраться хотя бы до владельцев сайтов? Вы не сохраните информацию до нашего возвращения?

– Обязательно. В ФСБ засадили за это дело целую группу сотрудников.

– Прекрасно. Надеюсь, это даст какую-то нить… Что требуется от нас?

– Пока только то же, что и от нас… Принять нежелательных гостей по возможности вежливо, обеспечить доступ к месту событий любопытным и, естественно, поделиться информацией, насколько это тоже будет возможно…

– Я хорошо вас понимаю. Если есть приказ, примем и обеспечим… Хотя делиться пока абсолютно нечем… Нет еще результатов следствия, и неизвестно, когда они будут…

– В живых много осталось?

– Трое… Девочка шести лет, которую закрыл собой убитый отец… Старуха восьмидесяти семи лет… И мужчина с пулей в голове… Отправлен в госпиталь. Но он пролежал с раной больше суток. На выживание никакой надежды…

– Следы, улики?..

– Пока еще рано об этом говорить… Основное слово будет за экспертами.

– Есть какие-то указания, что действовали наши?..

– Два дня назад местный житель – из соседнего села, настроенный против федералов откровенно враждебно – встретил в горном лесу военных с нагрудным знаком, на котором изображен дракон, и нарукавным знаком с летучей мышью… Если не ошибаюсь, этот нарукавный знак принадлежит спецназу ГРУ… А относительно дракона… Это надо будет выяснить…

– И они свидетеля не тронули? Тогда заслужили не только выговор, но и суд…

– Он вовремя спрятался в кусты. И не дышал там. Сейчас наш следователь допрашивает этого свидетеля. Бойня, напомню, произошла сутки назад. Интервал между бойней и появлением спецназа – только сутки. Это вызывает некоторые размышления двух противоположных направлений… Можно предположить и причастность, и хорошо организованную подставу. Но мне все же хотелось бы иметь, и как можно быстрее, сведения о нагрудном знаке «дракон»… Девочка, оставшаяся в живых, тоже описывает нечто подобное… Кто такой знак носит и где эти люди были в момент произошедших в селе событий…

– Я узнаю здесь… Если будет что интересное, я с вами свяжусь…

– Буду вам признателен. Мне вообще нужен доступ к оперативным данным. Не только о «драконе». Кто, в какое время и какую задачу выполнял в районе в последнее время?..

– Когда вернетесь, мы эти данные вам предоставим…

– Минутку, товарищ полковник…

Ягадаев торопливо подошел к старшему следователю.

---

[8] ПАСЕ – Парламентская ассамблея Совета Европы.

– Там, – показал пальцем на окраину села, – на стене надпись: «За Беслан»…

– Товарищ полковник…

– Я слышу, Ильдар Юсуфович… Но не слишком ли откровенный намек? Не пересолили?

– Будем разбираться… Кстати, вы знаете, что из этого села родом эмир Сафар… Тот самый, что специализируется на хитрых взрывах…

– Мне говорили об этом… Где сейчас сам Сафар?

– По моим данным, он никогда не уходит из своего района. И почти весь его джамаат родом тоже из этого села. Проследите, может быть, здесь есть какая-то нить…

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Кустарник и деревья рядом с кострищем были основательно ободраны и обломаны, подпалены и подкопчены, словно обглоданы неведомым огнедышащим зверем – настоящий, похоже, дракон здесь потрудился. Одна старая сосна оказалась расщепленной в середине ствола, и верхняя часть дерева, с тяжелой кроной, не смогла удержаться, рухнула, обнажив гниловатую от возраста темную сердцевину. Боевики готовили такой капитальный взрыв, наверняка зная численный состав «Боевого дракона» и надеясь эту численность значительно уменьшить, если не свести к абсолютному нулю. И никак уж не рассчитывали, что взрыв окажется ловушкой для них самих.

– Мы имеем в наличии еще три аналогичные закладки мин с разных сторон… – доложил улыбавшийся каким-то своим мыслям подполковник Лавров, заместитель командира и его близкий друг. Лавров вообще человек улыбчивый. Серьезное выражение на лице его бывает крайне редко. – Мы чуть-чуть поторопились, они не успели соединить все растяжки, иначе здесь было бы маленькое землетрясение, и не пришлось бы даже могилы копать… И не лень им было столько мин через горы тащить!.. Половины хватило бы с лихвой…

Подполковник Клишин кивнул, продолжая рассматривать записную книжку, вытащенную из кострища. Мало что дающая следственным органам книжка, судя по всему. Иначе ее бы просто не стали использовать в качестве «наживки». А если что-то здесь и есть среди записей, что покажется на первый взгляд интересным, то это наверняка какая-то «подстава», выполненная вполне в стиле чеченских боевиков… Не зря книжке дали обгореть только по краям, оставив страницы почти целыми. Клишин сталкивался с этими методами не раз и знает, что иногда только одна запись, якобы случайно попавшая в руки следственных органов, способна испортить не просто карьеру, но и жизнь кому-то, кто боевикам особо ненавистен.

А что касается могил для убитых взрывом, о которых упомянул подполковник Лавров, то их копать никто пока не собирался. Убитых будут еще долго идентифицировать, собирать на каждого подробное досье, закрывать старые, давно уже возбужденные уголовные дела. Но это уже забота не спецназа. Тела так и оставили лежать в тех позах, в которых боевики нашли удобным для себя проститься с жизнью, обыскав только карманы и сложив в одну кучу найденные документы. На месте уничтожения боевиков будет работать следственная бригада из прокуратуры. Она же и документы заберет, поскольку спецназу они не нужны, хотя Клишин на всякий случай составил список документов и спрятал его в планшет. Он всегда составляет подобные списки, которые подтверждают, что его отряд работу выполнил. Также для отчета капитан Анчаров снимет место проведения операции.

Записную же книжку после просмотра подполковник бросил в одну кучу с теми самыми документами боевиков. Встал и осмотрелся, всем своим видом показывая, что пора и в путь…

– Этот «компас», я так думаю, мы прихватим с собой, – кивнул на прислонившегося спиной к дереву разведчика-радиста боевиков, сидящего со связанными руками. Он был единственным человеком, уцелевшим из всего джамаата.

– О-о… Оставить бы его навсегда в лесу… – мрачно и настойчиво прозвучало предложение из-за дальнего куста. Так мрачно и так настойчиво, что разведчик-радист невольно поежился и плечами передернул, словно что-то с них стряхнул.

– Отставить разговорчики… – строго возразил подполковник, резко вскинув подбородок. – Расстрелять мы его всегда успеем, если будет такая необходимость… Сам, лично, расстреляю, если что-то будет не так…

Разведчик-радист приподнимается, словно намеривается пересесть ближе к подполковнику, в котором видит для себя в данный момент защиту и опору. Он не понимает, что ведется игра, давящая ему на психику. Игра, в результате которой ломаются характеры и покрепче, чем у него. И вся группа спецназовцев этой игрой владеет в совершенстве.

– Да зачем нам эта обуза… – ухмыляясь, проворчал и капитан Трошин. И у него ухмылка мрачная, и смотрит при этом презрительно в глаза боевику, словно уже не считает его за живого человека, словно мысленно уже нажал на спусковой крючок своего автомата, выпустив в радиста очередь.

– Я сказал, отставить, молодой человек…

Последняя фразу прозвучала уже грозно, чтобы пленный понял – только один командир и отстаивает его право на жизнь, а подчиненные этого права признавать не хотят. После такого спектакля к командиру и симпатия появится, и благодарность. А из чувства благодарности чего только не сделаешь…

Группа готовится к выступлению.

С собой для дальнейшего продолжения операции Клишин взял только девять «драконов». Остальных оставил возле места взрыва дожидаться вывоза на базу. «Шмель»[9] уже вызван. С «бортом» прибудет прокурорская команда, чтобы засвидетельствовать уничтожение джамаата эмира Сафара. Следователи, как всегда, прибудут в сопровождении собственной охраны – обычно с ними спецназ внутренних войск летает или даже просто внутривойсковики – не спецназовцы. Пока будет производиться осмотр, пока будет продолжаться бесконечное написание протоколов осмотра места операции, вертолет вывезет свободных «драконов». Клишин тем временем с оставшейся третью своего отряда планирует осмотреть опустевшую базу джамаата Сафара, разминировать обязательные «ловушки», а потом, показав базу тем же самым следователям, вылететь с места событий еще до того, как прокурорские сотрудники завершат свою работу…

Подполковник приказывает отправляться в путь. Первым следует его команде, естественно, пленный разведчик-радист боевиков. Отстать от Клишина он просто-напросто опасается. И не видит насмешливых взглядов остальных спецназовцев. Известно, что спину буравит только сердитый взгляд…

Жест рукой показывает направление.

– Вперед! К утру мы должны все дела закончить…

Шаг сразу берется быстрый. Пока путь лежит в гору и ладони упираются в колени, помогая ногам распрямляться. Под гору шаг перейдет в бег. Тогда ладони будут обдираться при торможении ими о стволы деревьев. Так всегда бывает на марше в лесистых горах…

* * *

– Что со мной будет? – спросил радист.

И вопрос не праздный. И очень беспокоит радиста, судя по тому, что он даже дыхание перевести не успел во время короткого привала, разрешенного подполковником как раз из-за наличия пленного. Без него тренированные «драконы» смогли бы преодолеть весь путь без отдыха и в более высоком темпе. Но они опытные, отдых, значит, отдых. И не болтают, дыхание берегут. Пленный не бережет, его сильно тревожит его дальнейшая судьба. Похоже, всю дорогу он только и думал о том, что его ждет, но спросить открыто боялся, и все же решился, когда сумел перевести дыхание.

– Не переживай… Разберутся!.. Если того заслуживаешь, посадят, как и полагается, надолго… Лучше бы навсегда… Не заслуживаешь – для приличия помурыжат в СИЗО и отпу-

[9] «*Шмель*» – вертолет.

стят к жене под теплый бочок… – подполковник в свои сорок два года не знал, что такое сбитое дыхание, и ответил спокойно, словно час уже под деревом сидел.

– Я только радист… – тяжело вздохнул разведчик.

Это не оправдание, это мольба. Пленник сам понимает, что слова его малоубедительны и никакого впечатления не производят, но не произнести их он просто не может.

– Я тебе сказал – разберутся… Я тебя отпустить не имею права…

– Я помогать буду…

– Попробовал бы ты отказаться…

Кадык на волосатой шее боевика ходит от частых глотаний. Волнуется за свою судьбу, как всякое животное, даже общественное.[10]

– Мне заплатить нечем…

– А разве я спрашивал с тебя плату? Ты, друг дорогой, путаешь, я же не боевик… Отдыхай, сейчас снова двинем…

* * *

Подполковник Клишин за всю свою практику ведения боевых действий в Чечне, а он начинал воевать здесь еще капитаном в первую кампанию, ни разу не встречал лагерь боевиков, расположенный на вершине горы, пусть даже и полностью покрытой лесом. Даже при том, что с вершины, как правило, открывается лучший обзор, боевики всегда предпочитали ставить свои базы в самых темных урочищах, куда спускаться без насущной необходимости даже не хочется – кругом сырость, гниль и мох… Наверное, неистребимый инстинкт «волков» и абреков заставлял их забиваться в глушь. Зря, что ли, Дудаев посадил изображение волка на свое знамя…

– Куда дальше?

Вопрос обращен к пленному, который шел чуть сбоку от подполковника и изо всех сил старался не отставать, хотя это трудно сделать со связанными за спиной руками. А развязывать ему руки даже во время бега никто не стал. Слишком легко ночью в густых зарослях сделать шаг в сторону и просто исчезнуть из поля зрения федералов. Тем более для человека, знающего вокруг каждый куст. По той же причине чей-то ствол постоянно смотрел в спину разведчику-радисту. И он, оборачиваясь не однажды, замечал это.

Разведчик-радист кивнул, показывая направление.

– Сразу за пригорком направо… Там тропы нет. Сафар запрещал ходить здесь колонной, чтобы тропу не торили. Велел всем зигзагом ходить…

Рассвело уже достаточно, чтобы ориентироваться правильно.

– А дальше? – резко спросил подполковник Лавров, придавая своему низкому голосу угрожающие нотки и старательно пряча не сходящую с лица довольную ухмылку. Но не удержался, отвернулся и подмигнул капитану Трошину. Улыбка тронула и обычно серьезные лица остальных офицеров. Ломать комедию здесь любят.

Разведчик-радист шарахнулся в сторону и в дерево плечом ударился – голос напугал его, как пугает внезапно раздавшаяся рядом автоматная очередь.

– Дальше – вниз, вниз… До самого ручья, вниз… За ручьем – база… – Кажется, он был готов заплакать.

– Логово, а не база… Мины, маму твою, где?

Разведчик-радист подумал несколько секунд, соображая, как ответить точнее.

– Везде… – ответил так точно, как смог, и тут же проявил заботу, судя по заискивающей интонации: – Нужно осторожно ходить… Везде мины…

[10] Согласно определению Ф. Энгельса, человек – это общественное животное.

Подполковник долго не отрывал глаз от окуляров бинокля, исследуя низину и оба склона. И не все, судя по его серьезному лицу, Лаврову понравилось.

– С противоположного склона проход есть?

– Вай… Там еще больше мин… – интонации в голосе разведчика-радиста похожи на детские, когда ребенок старается разговаривать серьезно. – Но один проход оставлен. На случай эвакуации. Сафар хитрый был… Он всегда проход оставлял… Но его только сам Сафар знал и минер… Я не знаю… Там ходить не разрешали…

Клишин с Лавровым переглянулись. Двумя парами глаз осмотрели склон, который группе предстоит преодолеть, мысленно прокладывая маршрут и одновременно прикидывая место возможной установки растяжек и мин-ловушек. Склон в верхней части негусто порос кустарником и редкими низкорослыми деревьями – камней там много, и деревьям порой не на чем расти. Ниже лес становится более густым, хотя и не совсем дремучим. В дремучий же он превращается только в самом низу, местами полностью пряча от взгляда ручей. А кое-где ручей перейти просто невозможно. Деревья окружены таким густым кустарником, что к берегу ни пройти, ни подползти, ни протиснуться невозможно. Зато в зарослях прятаться можно, оставаясь для всех других невидимым.

– Я остаюсь на страховке… – решил Клишин, хорошо знающий местные условия, часто преподносящие сюрпризы, и потому никогда не пренебрегающий безопасностью. – Бери четверых и спускайся…

Боевой командир оставит заместителя на страховке и пойдет вперед сам. Но хороший боевой командир, опытный и грамотный, все же заместителя пошлет вперед, а сам его страховать будет, оставляя за собой возможность для принятия правильного ответственного решения на случай, если что-то пойдет не так, как планировалось.

Подполковник посмотрел на разведчика-радиста. Тот под его взглядом съежился, вроде бы даже ростом ниже стал. Его откровенно пугает голос Лаврова. Так пугает, что не дает возможности поднять глаза и заметить, что грозный голос никак не сочетается с добродушным лицом.

– «Компас» будет пятым… – с легкой усмешкой подсказал Клишин. – Он местный, здесь все мины знает, он и поведет…

– Маму его… – добавляет капитан Трошин. – Пусть только попробует ошибиться… Я из него чучело для выставки сделаю… Экспонат для всеобщего обозрения, чтобы другим ошибаться неповадно было…

Взгляд разведчика-радиста, брошенный на подполковника Клишина, полон укора, как у человека, надежды которого обманули – показали фантик, а конфетку не дали. Но смелости для активного возражения не хватает. И он вынужден с командиром «драконов» расстаться, вопреки собственному желанию. Разведчик-радист понуро шагает вперед, передергиванием плеч создав более удобное положение для связанных за спиной рук. При спуске такое положение еще более неприятно – нечем в самом крутом месте за ствол ухватиться, если возникает надобность. Но Лавров всегда готов поддержать, ухватив за шиворот.

«Подснежники» включены у всей группы, и спецназовцы сами распределяются – кому спускаться, кому оставаться с командиром. Лавров, подталкивая перед собой разведчика-радиста, только ступает на склон, а четверо уже следуют за ним. Командир знаками показывает, кому что делать, и оставшиеся «драконы» понимают его без слов – рассредоточиваются, занимают позиции для удобного наблюдения и ведения, если потребуется стрельба. Со стороны их увидеть практически невозможно. Прятаться бойцы умеют в совершенстве…

* * *

– Я – «Друг». «Венец», как слышишь?

В эфире слишком много помех. «Подснежник» слаб, не имеет эфирных фильтров и не убирает треск, как это делают большие радиостанции.

– Я «Венец». Слышу почти нормально. Только ничего не вижу впереди. Трудно ориентироваться…

– Буду координировать. Мины высматривай сам…

– Понял. Координируй…

– Чуть левее проходи, там кусты гуще… – теперь уже прямо посоветовал подполковник Клишин своему заместителю. – Дальше будет уступ, его тоже слева обходи… Тогда тебя снизу не видно будет… Правда, и нам тебя тоже не будет видно. Там сам ориентируйся…

Склон опасен не только тем, что может быть хитро заминированным, но и тем, что группа при передвижении становится достаточно хорошо просматриваемой из базового лагеря. Эмир Сафар выбрал себе подходящее место для базы – чувствуется опыт командира. По крайней мере, с одной стороны, он себя прочно обезопасил. С другой же, как подсказал пленный радист, безопасность обеспечивает сплошное минирование.

– Я – «Гном»… В бинокль смотрю… «Венец», там, где кривая береза между сосной и елкой… Мне очень место нравится… Я бы лично там мину поставил. Осторожнее… – советует сверху и лейтенант Тропилин.

Клишин в бинокль видит, как останавливается передовая группа.

– Я – «Венец»… Спасибо «Гному»… Есть мина-обманка…

– Ищи вторую…

– И вторая – настоящая! – через три шага…

Подобное применение мин стало у боевиков традицией. Хитрость невеликая, но еще несколько лет назад, в первую чеченскую кампанию и даже в начале второй, она срабатывала практически безотказно. Устанавливается мина… Или просто муляж мины… Федералы опасное место обнаруживают, переступают его и расслабляются… А через три шага стоит вторая мина, хорошо замаскированная…

– Я – «Друг»… Что там пленный? Мину не показал?

– Говорит, что всегда с другой стороны ходил… По открытому месту… Так Сафар приказывал…

– Может быть, и так… Там есть возможность отличить снизу своего от чужого…

Наушники «подснежников» доносят дыхание бойцов. Не тяжелое дыхание, но прерывистое, потому что передвижение идет в рваном темпе, от куста к кусту.

Клишин бросил короткий взгляд на старшего лейтенанта Богуша. Снайпер устроился справа от командира и прильнул к прицелу. Старший лейтенант хорошо свое дело знает и без напоминания подполковника контролирует, но не проход передовой группы, а лесную чащу внизу.

– «Робин», что там?

– Ни «да», ни «нет», командир, не скажу… – отозвался снайпер.

– То есть? – окрик снизу, от подполковника Лаврова.

– Я не вижу засаду… Но не скажу, что ее нет… Место для засады очень хорошее… И мне какое-то движение показалось… Проверяю… Больше не вижу…

– Наблюдай! «Анчар»! Что у тебя?

Капитан Анчаров занял позицию на самом правом фланге.

– Тишина… Смотрю в четыре глаза…

Передовая группа, выполняя подсказку подполковника Клишина, скрылась за уступом. Медленно тянется время. Казалось бы, уже пора подполковнику Лаврову и показаться ниже, но что-то разведчиков задержало.

– «Венец», ты где?

– Смотрю… Там что-то двигалось… Не-по-нятное… «Робин» правильно сказал…

Последнее слово подполковник произнес очень членораздельно, подчеркивая, что возникшая ситуация, требует повышенного внимания.

– Присмотрись… Что пленный?

– Молчит… Здесь ему трудно ориентироваться. Другая сторона…

– Я «Анчар»… Всем «драконам»! Внимание! Девять человек справа… Поднимаются по склону… Готовы обойти… Прячутся усердно. Значит, нас видят. Возможен целенаправленный обхват…

– Где?

– Правее меня… Не пойму… Наши или нет?

– «Робин»!

– Ищу их в прицел… Хочу рассмотреть… «Анчар»… Покажи пальцем…

Капитан Анчаров протянул руку так, чтобы ее видно было Богушу.

– Понял, ищу… Так… Есть… Нашел… Смотрю…

– Кто там? – поторапливает Клишин.

– В бронежилетах… Одеты по форме… Похожи на наших… Небриты, как мы… Кажется… Кажется… Вообще-то, похоже…

– Может, ракету дать? – предлагает «Гном».

– Отставить ракету!

Все напряженно вглядываются в склон. Клишин уже сам видит бойцов незнакомого подразделения. И ему кажется, что это свои.

– Что будем делать? Есть сомнения?

– Друг друга бы не перестрелять… – капитан Анчаров уже попадал однажды под обстрел своих же и на личном опыте знает, как это неприятно.

– На всякий случай… Внимание повышенное… Даю ракету… – подполковник Клишин вытащил ракетницу, взвел ее и поднял руку.

– Стоп! – выкрикнул в микрофон «Робин». Так громко выкрикнул, что остальным захотелось за уши схватиться. – У передового автомат! Автомат!

– Что – автомат? У них у всех автоматы…

– «АК-47»[11]… Это боевики… Но…

– Что?

– Морды русские…

– Посмотри на другие автоматы… И вообще, какое у них оружие… Эмблемы… Нарукавные…

Молчание тянется, кажется, бесконечно.

– Не вижу… У второго – тоже не вижу… Третий… Вижу… «Летучая мышь»…

– Наших здесь быть не может… По крайней мере, не должно, иначе меня предупредили бы… Проверь… У наших обязательно должны быть «подснежники»… Смотри хорошо…

– «Подснежников» нет… И пистолеты… У двоих – «макаровы»[12]… И… Вот-те и на…

– Что?

– У них наша эмблема… «Дракон»… Пополнение к нам прибыло…

– Час от часу не легче…

– Боевики…

– А морды? Русские, говоришь?

– Не берусь судить без паспорта… По крайней мере, это не чечены…

---

[11] Автомат «АК-47» снят с вооружения российской армии, заменен на автомат «АК-74».

[12] Спецназовцы ГРУ в условиях боевых действий, как правило, имеют на вооружении автоматические пистолеты Стечкина.

Командир сам не отрывает глаз от бинокля. Но в бинокль трудно рассмотреть мелкие детали. Расстояние слишком велико, и мешают кусты, за которыми группа, поднимающаяся по склону, прячется.

– Я – «Венец»… В лагере засада… – подает голос подполковник Лавров.

– Возвращайся…

– Есть возвращаться…

Но на войне часто случается, что команду выполнить не удается. Так и сейчас – автоматные очереди снизу раздаются еще до того, как передовая группа успевает показаться из-за уступа, и командир вынужден дать дополнительную команду верхней группе:

– Всеми стволами – прикрываем отход… «Робин»! Обрабатывай тех, что идут в обхват! Скорострельно…

– Понял…

Первый сухой щелчок выстрела из «винтореза» раздается почти сразу за ответом. Старший лейтенант взял одного из противников на прицел, не дожидаясь команды Клишина. Он боец опытный и знал заранее, что эта команда вот-вот последует. Второй выстрел следует сразу за первым, и тут же третий…

Остальные стреляют выборочно, отыскивая взглядом места, откуда ведется огонь по нижней группе.

2

Виктор Юрьевич Гагарин, называемый друзьями по старой привычке Доктором Смерть, и Андрей Вадимович Тобако, бывший боец легендарной «Альфы», той самой, что штурмовала когда-то дворец Амина в Кабуле, ночью вернулись из командировки в Грузию. Там Тобако, до переезда в Москву работавший в Поти резидентом Интерпола по борьбе с оборотом наркотиков, передавал дела и связи новому, только что вступившему в должность резиденту. Доктор Смерть, некогда занимавший такой же пост в регионе Урала и передавший свою должность и текущие дела еще несколько месяцев назад, был при Тобако в этой командировке консультантом и помощником. Тем не менее не утратившие силы агентурные связи Тобако и самого Доктора принесли информацию, которая не могла их не заинтересовать как работников московского антитеррористического бюро Интерпола. И потому, сразу из аэропорта оба направились не по домам, а в офис, разбудив уже под утро своего руководителя Александра Игоревича Басаргина. Офис бюро в соответствии с профилем работы носит статус полуконспиративного и располагается в жилом доме, на одной лестничной площадке с квартирой самого Басаргина и имеет с ней общий коридор, отделенный от подъезда тяжелой металлической дверью.

– То, что вы приходите на работу чуть-чуть раньше начала рабочего дня, – ворчливо встретил их сонный Басаргин, – вовсе не значит, что я отпущу вас вечером раньше… Сегодня у нас плановая учеба, и будьте добры, присутствовать. Будем разбирать одно интересное колумбийское дело, и вам будет чему поучиться…

Двухметровый Доктор Смерть демонстративно зевнул в черную, с обильной проседью бороду и, пожав Александру руку, сразу прошел в офис к компьютеру, который, согласно неофициальному распределению обязанностей, находился на его полном попечении, как единственного в бюро хакера, способного работать не только по официальным каналам, но и, не спросив разрешения, пользоваться необходимыми данными других силовых ведомств. Коекто в других силовых ведомствах знал это, но на действия Доктора обычно закрывали глаза, поскольку не пойман – не вор.

– Есть, кстати, интересные новости… – Тобако все же в отличие от Доктора Смерть нашел нужным проинформировать командира о причине такого раннего появления на работе.

– Может быть, новости и кстати, но я сначала все же умоюсь и оденусь… – Басаргин предоставил сотрудникам заняться делами без него, а сам ушел в квартиру. Но уже без демонстрации недовольства. Когда на повестке дня стоит деловой вопрос, Басаргин умеет забыть о прерванном сладком утреннем сне…

* * *

Как человеку военному, Басаргину не потребовалось много времени на сборы. За несколько минута он успел не только умыться и одеться, но даже побриться, и вернулся в офис, благоухая дорогой туалетной водой, пристрастие к которой воспитала в нем жена Александра, профессиональная художница и при этом постоянная помощница интерполовцев.

– Ну, рассказывайте, что случилось. Я уже почти проснулся…

– Ты знаешь, каким вопросом мы занимались… Пришлось по необходимости кое-с кем встретиться и изрядно при этом выпить. Правда, скажу в оправдание, что пили под хорошую закуску… – Доктор Смерть начал говорить, повернувшись к командиру вполоборота и дожидаясь окончания загрузки компьютера.

– А если по существу…

На это Доктор Смерть только пожал необхватными плечами.

– Так тоже можно, хотя это менее интересно… Есть любопытные сведения от наших бывших волонтеров[13]… – сообщил он, сам тем временем не отрываясь от клавиатуры компьютера, нещадно страдающей под его толстыми сильными пальцами. Обычно Доктор меняет этот необходимый инструмент раз в месяц.

– Причем сведения имеют, кажется, прямое отношение к нашей теперешней службе… – добавил Тобако. – По крайней мере, у нас есть основания так предполагать. Рассказывай, Доктор… Ты у нас главное действующее лицо в этой истории…

– Ага… – Доктор поставил пальцем звучную точку, чуть слабее нажал «enter», запуская программу, оставил наконец-то клавиатуру в покое и повернулся к командиру. – Я только что отправил циркулярный запрос в Лион[14] и в бюро бывших союзных республик. Может быть, у них есть дополнительные сведения? А в общем дело обстоит так… В Грузии развернулся поиск не очень ладящих с законами парней, которые когда-то проходили срочную службу в спецназе ГРУ. Причем ищут не грузин-спецназовцев, которых там немало, а только ребят со славянской внешностью. Ну, необязательно – славянской, но желательно хотя бы с европейской… Это я к тому, что есть там и прибалты, и молдаване, и еще кто-то…

– Где это – «есть там»? – не понял Басаргин. – Начни сначала…

– Я уже начинал сначала…

– Начни с другого начала…

– Если с другого начала, то ситуация разворачивалась и разворачивается таким образом… Мы с Андреем, – Доктор Смерть кивнул в сторону Тобако, – устроили небольшой прощальный ужин для волонтеров, которые с нами раньше работали. Хорошие ребята, некоторых я сам Андрюше рекомендовал, как своих знакомых. Большинство из них в свое время проходили срочную службу в спецназе ГРУ. Воевали в Афгане, и мы знакомы именно с тех пор… Сейчас они, конечно, опустились до того, что стали местными «крутыми», но это сути не меняет. Нам они всегда помогали своей прежней, еще не полностью потерянной выучкой… И вот, за столом, после нескольких добрых тостов, Дато – это один из наших парней – спросил меня, помню ли я Славу Порошина… Естественно, я не помню Славу Порошина, поскольку у

[13] В структуре Интерпола волонтерами называются внештатные сотрудники, получающие зарплату только за время привлечения их к определенным действиям.

[14] В Лионе располагается штаб-квартира Интерпола.

меня не было такого друга… Но, если меня спрашивают, я считаю своей обязанностью задать встречный вопрос – почему спрашивают? Я спросил… Оказывается, этот Порошин служил когда-то вместе с Дато, в одной роте… Поскольку я не обязан помнить всех, кто тогда обращался ко мне в санчасть, я удовлетворился таким ответом, и тем не менее спросил, к чему было упомянуто всуе имя Славы? А имя его было упомянуто к тому, что к Дато на днях забежал за финансовой и прочей помощью этот самый Слава Порошин, который попал в неприятное положение. Впрочем, в неприятное положение он попал сразу после армии, когда «сел» за драку в ресторане. Менты ему там не понравились… После «срока» ему не понравились другие менты… Он вообще, как оказалось, к ментам неравнодушен…

– Давай короче, – предложил Тобако. – Иначе командир не поймет и даже я запутаюсь…

– Даю… – без возражений согласился Доктор. – Короче, Порошин в очередной раз оказался в «бегах», только на сей раз бегает не от ментов, а от чечен. Его обложили со всех сторон, и он не имеет возможности выбраться из республики… Нет ни средств, ни документов, ни чистых связей, которые чечены не контролировали бы… И он обратился к Дато. Тот понял, что уже от отчаяния, поскольку они никогда не поддерживали с Порошиным дружеских отношений. Более того, даже имели какие-то незначительные конфликты, не перешедшие, к счастью, в большее. И все же Порошин пришел именно к Дато. Дато в своем городе имеет большой авторитет. Но брать Порошина под защиту и открыто выступать против чечен – это значит сорвать ту линию, которой Дато придерживается при работе на Интерпол. Вот потому он и обратился за помощью ко мне, на время спрятав парня где-то в доме своих друзей, не имеющих к криминальным кругам отношения. Решил, что у них будет безопаснее всего, в таких местах в последнюю очередь ищут…

– Уточняю вопрос… – добавил Тобако. – Не ко мне за помощью, хотя я был в течение нескольких лет непосредственным начальником Дато, и, кажется, начальником неплохим, а именно к Доктору, как к старшему члену того афганского сообщества, члены которого даже не всегда знают друг друга, иногда враждуют, когда им есть что делить, но чаще помогают один другому по мере сил…

– Это не существенно, – заявил Доктор. – Просто Дато, обращаясь ко мне, рассчитывал на мои эмоции, и я откликнулся, согласился ввязаться в эту историю, но только предварительно поговорив с Порошиным. Мне необходимо было знать, что этот парень собой представляет и почему его чечены преследуют. Дато он последнее сообщить отказался. Итак, мы встретились уже утром после прощального ужина в доме друзей Дато. Накануне крепко выпили. Но я еще был вполне в состоянии говорить серьезно. Честное слово…

– В подтверждение добавлю, что я вообще ни разу не видел Доктора пьяным, – сказал Тобако, с нескрываемой завистью поглядывая искоса на мощное тело товарища.

– А во время разговора я полностью протрезвел, поскольку протрезветь было от чего…

Доктор Смерть взял длительную паузу, ожидая вопросов. Но Басаргин человек терпеливый, он молча дожидался продолжения рассказа.

– Чечены каким-то образом вышли на Порошина, уже зная о его прошлом и настоящем, – продолжил Доктор. – Это говорит о том, что они собирали подробнейшие сведения и при этом не жалели ни средств, ни времени. Но скажите мне, кому нужен компромат на мальчонку, ничего не имеющего за душой, кроме отчаянного характера и умения драться? Зачем может такой компромат понадобиться?.. Естественно, вымогательство отпадает…

– Может понадобиться и отчаянный характер… – делает заключение Басаргин. – Такие характеры не каждому даются. Плюс подготовка спецназовца…

– И я согласен – может… Однако компромата не нашли и потому пошли прямым путем – просто подставили Славу… Причем, зная нелюбовь Порошина к ментам, не ментов ему подсунули, общаться с которыми он умеет, а одного из местной наркомафии. Даже не подставили, а просто «положили» парня, а свалили на Порошина… Дато с этим делом сам разбирался,

Порошин ни при чем… Но слух был пущен, и он заставил Славу обороняться. Правда, здесь у организаторов тоже вышел прокол – обстоятельства так сложились, что крутых дел Порошин не наворотил, чем слегка спутал карты чеченам. И дело успокоилось по чистой случайности с помощью пары местных уголовных авторитетов, к которым обратилась противоположная сторона.

– И что чечены? – спросил Басаргин. – Провокации устраивать они не мастера. Я в этом давно уже убедился. Они предпочитают силовой метод решения проблем.

– Да… Потерпев неудачу с провокацией, чечены пошли напрямик и предложили Порошину работу… За участие в заварушке пообещали десять тысяч баксов… В принципе, при тамошних ценах и зарплатах, когда глава спецназа Грузии получает в месяц двести баксов, – это солидные деньги. Порошин понял так, что предстоит большая разборка между группировками, которые поддерживают разные полевые командиры боевиков. И потому необходимо будет пообщаться с оружием. При его безалаберности и после нервной встряски в Поти Слава согласился уехать в непродолжительную командировку в горы в одно из ущелий на границе с Чечней. Как сам парень говорит, у него и мыслей не было о том, что работать предлагают в России. Только через три дня, когда было собрано уже четырнадцать человек – как им сказали, почти половина отряда, Порошин узнал, что готовится группа для проникновения на территорию России, где она будет изображать спецназ ГРУ. Пошумят, постреляют так, чтобы их действия потом списались на настоящий спецназ ГРУ, и вернутся назад в Грузию.

– «Лицедеи»… – сказал Тобако. – В мировой практике подобные операции давно известны. Обычно они приурочиваются к каким-то международным событиям и проводятся против как местного населения, так и против вооруженных сил. Но против местного населения чаще… Дает больший эффект…

– Я тоже о таких операциях слышал, – согласился Басаргин. – Тактика отработанная, когда пытаются кого-то или что-то обгадить…

– У нас нет никакой гарантии, что отряд формировался для действий против войск… Слишком большая работа ради нескольких удачных операций… Или ты не считаешь, что добытые мной факты имеют отношение к нашей непосредственной работе? – спросил Доктор Смерть, заметив, как задумался командир.

– Если акция проводится против мирных жителей, то это непосредственно наша работа. И я не думаю, что со стороны Лиона могут быть какие-то возражения… Если против воинских подразделений, то мы обязаны просто передать данные по инстанции и этим ограничиться. У тебя есть конкретные сведения?

– Нет у меня конкретных сведений! Есть только конкретные умозаключения! – Доктор Смерть начал горячиться, поскольку на протяжении многих лет воинской службы имел непосредственное отношение к спецназу ГРУ и считает спецназовцев, и вообще всех афганцев своими соратниками. – И эти умозаключения позволяют мне предположить…

– Давай будем предполагать… Я разве возражаю?

– Вот и прекрасно… Хотя прекрасного мало… Я продолжаю… Итак, новобранцам сообщили о регионе действия. После сообщения в отряде пошел ропот. Ребят подобрали – оторви да выбрось! – которые ничего не боятся… Тем не менее в Россию идти и там что-то творить не все захотели… Однако парни они неглупые и открыто не выступили… Знали, с кем связались… Но в первую же ночь было убито трое беглецов. Пошептались и хотели втихомолку смотаться… Оказалось, их караулили… Из четырнадцати осталось только одиннадцать, но в тот же день привезли еще шестерых, четверых – бывших десантников-афганцев, двоих – бывших спецназовцев ГРУ… Троих привезли из Молдавии, двоих с Украины, одного из Латвии… Отсюда мы имеем право сделать вывод, что в вербовке заняты чеченские диаспоры многих бывших союзных республик. И я, следовательно, послал совершенно обоснованный запрос по всем республиканским бюро Интерпола…

– Ничего не имею против. Хотя ты мог бы предупредить меня чуть раньше, поскольку под запросом наверняка поставил мою подпись…

– Ты еще спал, хотя и встал с постели… – отмахнулся Доктор. – Но я продолжу…

– Значит, есть еще сведения?

– Сведений нет, есть только история Славы Порошина. А история такова… После первого случая неудачного дезертирства Слава предположил, что среди состава есть «подсадные утки», которые «крякают» кому-то на ушко, когда намечается побег, и напарника или напарников искать не стал. Он просто собрался, тихо помог проститься с жизнью чечену-часовому, вооружился, потом перестрелял охранный кордон – еще пару часовых – и ушел… Но ему сразу «сели на хвост» и цепко вели по всей Грузии до побережья. Но перехватить не сумели. Он рассчитывал найти поддержку в Поти, но там чечены сильны, и против них выступить открыто никто не захотел. В результате он вынужден был обратиться к Дато, что и толкнуло его в мои загребущие лапы…

– И где он сейчас? – поинтересовался Басаргин. – Мои лапы не менее загребущие…

– Я переправил его в Армению – такой путь безопаснее, и из Еревана он прилетит только через час с небольшим… У нас есть время подготовиться…

Басаргин взглянул на часы, вздохнул и стал набирать телефон генерала Астахова из штаба управления антитеррора «Альфа». Прямой генеральский телефон отозвался только продолжительными длинными гудками. Александр вздохнул и стал звонить дежурному по антитеррористическому управлению.

3

Тропа извилистая, укрытая и кронами деревьев, и кустами, и просмотреть ее снизу полностью не позволяет даже самый сильный бинокль. А контроль над спуском от села необходим самый тщательный, иначе может случиться беда. Вообще, в условиях боевых действий контроль над ситуацией необходим постоянный, даже тогда, когда в нем внешне нет необходимости. И каждый спецназовец это знает хорошо.

– Давненько я не изображал собой кошку, – вздохнул подполковник Сохно и потер одну о другую руки, рассматривая грубый ствол крепкой сосны, готовясь к подъему. И тут же ладонью опробовал толстую шершавую кору, как держать будет… И хмыкнул удовлетворенно – с такой поверхности не соскользнешь…

Эта сосна – самое высокое дерево в округе. И если на нее взобраться, можно устроить вполне приличный наблюдательный пункт.

– Я бы с удовольствием изобразил собой собаку, чтобы тебе помочь, но боюсь, что мой лай кто-то может неправильно истолковать, – в тон ему сказал Шурик Кордебалет, как друзья зовут между собой подполковника Афанасьева. – А если снова выть по-собачьи, то на кошку, боюсь, это уже не произведет должного впечатления. Попробуем?..

И в подтверждение своих слов подполковник завыл – долго, протяжно, с надрывом. И тут же отозвалось несколько других собачьих голосов в недалеком чеченском селе. Сохно в ответ хмыкнул, потом мяукнул, как злобный, загнанный в угол собакой кот.

– Хватит! – коротко скомандовал полковник Согрин, командир маленькой, состоящей всего из трех человек отдельной мобильной офицерской группы спецназа ГРУ. – Он уже наверняка слышал…

Команда относилась к Кордебалету, подающему очередной сигнал.

– Тогда почему же он до сих пор не идет? – скорее себя, чем командира, спросил Сохно. Он подпрыгнул, обхватив ствол ногами и руками пошире и покрепче, и стал по нему взбираться. Достигнув нижней ветки, схватился за нее сначала одной рукой, затем второй, играя,

выполнил «подъем переворотом», а дальше уже полез свободно и быстро, с ветки на ветку, выше и выше.

– Включи «подснежник»… – негромко приказал полковник Согрин.

Легкий щелчок в наушнике сообщил, что Сохно услышал голос командира и отреагировал, выполнив команду. Сам же он молча продолжил подъем с быстротой, на которую было способно его тренированное, состоящее из одних мышц и сухожилий тело.

– Высоко сижу, далеко гляжу… – философски изрек Кордебалет и с любопытством поинтересовался: – И что же мы видим?

– Мы пока ничего не видим, мы только слышим… – отозвался Сохно через «подснежник». – Ветер в кроне шумит… Красивая, надо заметить, мелодия… И чего же этот Ваха не идет?

Чеченец Ваха, житель села, возле которого спецназовцы ждали, давно сотрудничал с ними и поставлял порой ценные сведения. Но в этот раз Ваха не поспешил показаться на условный сигнал – вой собаки из леса.

– Что будем делать, командир? – интересуется Сохно. – Я здесь, как петух на насесте, только без кур. Подождем еще?

– Подождем… Полчаса…

– Если я выдержу полчаса в такой позе, то подождем… – согласился подполковник. – Но настоятельно рекомендую подстелить под деревом хотя бы с десяток матрасов… Желательно пополосатее… Если я вздремну и грохнусь, может получиться маленькое землетрясение…

– Сон на посту – преступление, не сравнимое по своим последствиям с землетрясением… – прокомментировал Кордебалет.

– Шурик, еще раз повтори песню… – не вступая в треп, приказал Согрин, вздохом показав, что его терпение уже подходит к концу.

Кордебалет набрал в грудь воздух и снова завыл. И опять прозвучал недружный хор собак из села в ответ на вой незнакомого солиста.

– Мертвый услышит… – проворчал сверху Сохно.

– Надеюсь, Ваха придет живым… – тихо ответил полковник.

– Он, кажется, и идет, как ты просишь… – тут же сообщил Сохно. – И, похоже, что даже живой… Да, это он… Прихрамывает, как обычно, хотя лица в темноте не разобрать… Но… Стоп-стоп… Что это, уважаемый товарищ командир?.. Что, я спрашиваю?.. Ваха… Остановился перед началом тропы, обернулся… Честное слово честного офицера, впечатление такое, будто говорит что-то… Только кому? Вот… Пошел снова…

– Продолжай наблюдение. С кем он может говорить?

– Опять оборачивается… Опять говорит… Это точно… Он не один…

– Смотри внимательно… Кто с ним?

– Разойдитесь по сторонам… Тропу освободите… С ним никого нет!

– Это и опасно… – сделал вывод Кордебалет. Вернее, не вывод сделал, а констатировал факт, сам для себя определяя направление мыслей.

Спецназовцы хорошо понимают, если бы кто-то шел открыто, это еще не говорило бы об опасности. Не прячется тот, у кого нет причины прятаться. А если прячется…

А если прячется, значит, стоит подготовиться к встрече особо.

У Сохно бинокль с ПНВ.[15] Но даже такой способ наблюдения не дает возможности разобраться с ситуацией. Лучше в этом случае использовать ночной прицел «винтореза», но единственный в группе «винторез» у Кордебалета, внизу. И поднимать винтовку на дерево нет времени, потому что ситуация развивается вне обычного сценария, и неизвестно, каких сюрпризов следует ожидать. Сам подполковник Сохно «винторез» не любит. Он презирает даже автомат,

[15] ПНВ – прибор ночного видения.

предпочитая в качестве вооружения два «АПС»[16] – один он носит по-ковбойски на бедре, второй в кобуре за плечом на портупее собственного изготовления: на плече и груди открытая кобура крепится к жесткому ремню, на спине к широкой резинке. При необходимости подполковник подставляет правую руку и левой тянет ремень на груди книзу. Кобура перескакивает через плечо, и пистолет падает рукояткой в ладонь. Два пистолета, по мнению Сохно, гораздо удобнее, чем автомат, поскольку спецназовцам часто приходится действовать в ближнем бою. В нем пистолеты всегда сподручнее, если, разумеется, умеешь ими пользоваться. А если требуется стрелять с дистанции, то кобура «стечкина» становится прекрасным прикладом, превращая пистолет в оружие для прицельной стрельбы с двух рук, в том числе и в автоматическом режиме. Но на «стечкин», к сожалению, не ставится ночной оптический прицел…

– Трава колыхнулась… – сообщил Сохно. – Справа от тропы… И куст шевелится…

– Я на тропе… – скомандовал полковник. – Сохно прикрывает сверху, Кордебалет слева… Выясняем обстановку. Если что, Ваху брать живым!

Справа пригорок. Если кто-то попытается произвести захват, обязательно на этот пригорок выйдет – сверху атаковать удобнее, лучше видно все происходящее, в том числе и противника, которого атаковать собираешься. Но позиция Кордебалета, в низинке, тоже неплохая. Она дает возможность видеть силуэт противника на фоне синего звездного неба. Таким образом, любой, кто зайдет сверху, автоматически становится мишенью для подполковника Афанасьева. А если кто-то еще и снизу попытается подобраться к месту встречи на тропе, то Кордебалет сумеет обезопасить и себя, и командира.

– Да… А вот теперь моя позиция не лучшая… – посетовал Сохно. – Вижу только тропу, по которой Ваха идет, а если придется прыгать, переломаю все ветки дерева и собственные ребра…

– Ваха никуда не денется… – сухо оценивает позицию Согрин. – Он наверняка идет ко мне… Ты уж побереги свои ребра и спустись ниже…

Полковник, как обычно, невозмутим. Даже когда вступает в обычный шутливый треп своих подполковников, он сохраняет лицо бесстрастным, и постороннему трудно понять, шутит командир или говорит всерьез.

– И поторопись…

Сохно звучно вздохнул в микрофон и начал спуск с демонстративным кряхтением. Это кряхтение, естественно, услышать может только тот, кто имеет в ухе наушник от «подснежника». Но при ловкости Сохно спуск длился недолго. Подполковник обосновался на одной из густых нижних ветвей, невидимый даже для своих товарищей, и оставил себе возможность для ближнего обзора. А если придется прыгать, прыжок обещает быть уже безопасным.

– Ваха остановился… – сообщил он с новой точки наблюдения. – Разговаривает с кем-то. В одну и в другую стороны головой круть-верть… Значит, как я понимаю, обхват идет по обе стороны тропы. Шурик, контролируй низ… Ага… Так и есть… С двух сторон… По паре человек, минимум… Сильно не бей сразу… Я тоже ударить хочу…

– Понял, – коротко отозвался Кордебалет.

– И не торопитесь… – предупредил Согрин.

– Честно говоря, я чего-то не могу сообразить своей тугодумкой… – вслух размышляет Сохно. – Нечто странное происходит… Кто может попытаться нас захватить?

– Ты думаешь, что некому?

– Я почему-то думаю, что только боевики… – Ваха мог сдать нас им… – Но это не боевики идут… – Те давно уже научились воевать… Подкрадываются как кошки… Эти же прутся, как стадо коров. Их и видно, и слышно…

– Я согласен с Толиком, – чуть подумав, говорит Согрин. – Кто это может быть?

[16] «АПС» – автоматический пистолет Стечкина.

– Хотел бы я сам прочитать ситуацию… – ответил Сохно сверху, вглядываясь в окуляры бинокля. – Предположить можно что угодно. Но дело это не однозначное, и я предпочел бы не сразу начинать стрелять…

– Ты прав, – полковник опять невозмутимо согласился. – Попробуем быть и бить аккуратнее, но подставлять себя категорически запрещаю.

– Через минуту они будут здесь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Самому командиру порой даже в самом горячем бою не приходится сделать ни одного выстрела. Подполковник Клишин давно привык к тому, что ему реже других приходится пополнять запас патронов в автоматных рожках. Но на то он и командир, чтобы в первую очередь оценивать обстановку и вовремя координировать действия подчиненных, и только потом уже становится боевой единицей, «стволом», как часто говорят.

Так произошло и в этом бою. Следовало подсказать подполковнику Лаврову, как тому удобнее выйти, подсказать верхней группе, с какой стороны прикрыть отход находящихся внизу бойцов, и только потом уже самому поднять автомат.

– «Венец», я «Друг», огоньку снизу добавь, чтобы они себя обозначили…

– Понял… Все поняли?

Вторая часть всем слышимого через «подснежники» разговора уже является командой бойцам нижней группы. Они не отвечают словами. Но команда оказалась услышанной, судя по тому, как повысилась интенсивность огня внизу. Естественно, и боевики почувствовали, что это не случайно. Обычно плотность огня увеличивается при попытке фронтального прорыва или при прикрытии обхода или отхода другой группы. Чего ожидать в этот раз, они не просчитали. И сами отозвались аналогично – тоже активизировали стрельбу и даже вытащили откуда-то миномет. Скорее всего, просто для устрашения, потому что в таких условиях, когда высокие и густые деревья закрывают поле боя, применять миномет практически бесполезно. Первая мина угодила в ствол дерева, сломав его недалеко от верхушки и осыпав осколками ближайшие кусты, вторая взорвалась в кроне соседнего, и неизвестно, кого теперь она больше осыпала такими же осколками – группу Лаврова или своих же, выдвинувшихся дальше остальных.

– «Друг», сдается мне, их намного больше, чем показалось вначале…

– Мне тоже так кажется… Продержи их еще пару минут, чтобы нам определить точки огня…

Подполковник Лавров опять не отвечает. Но наушники доносят до остальных спецназовцев интенсивную стрельбу короткими очередями по кустам и стволам деревьев внизу, у ручья. Пара минут проходит быстро.

– Я «Друг». «Венец», с патронами как?

– Пока терпимо. Можем еще пару минут посалютовать, и на отход останется.

– Хватит. Всем остальным! Интенсивный огонь по точкам группировки. Кто кого определил…

Подполковник даже не приказывал определять точки группировки противника. Но он своих «драконов» знает, как членов собственной семьи. Тем и отличаются отдельные мобильные офицерские группы от линейных частей спецназа, в который солдатам надо приказ разжевать и в рот положить. «Драконы» сами определяют сложившееся положение, условия местности, численность противника, и знают, что и когда им следует делать. И они работают профессионально, потому что профессия у них такая – воин.

В том, что «драконы» воевать умеют, Клишин убедился давно. Убедился в этом и противник. Рваные короткие очереди сквозь листву устремились точно в те места, которые определил для себя и сам командир. А перегруппироваться боевики не имели уже ни времени, ни возможности. Конечно, плохо, когда результата собственной работы не видишь. Листва и хвойные лапы совершенно скрывают местность. Но такой плотный огонь не может не нанести

значительного урона – это уже подсказывает опыт. О том же и основательно стихшая встречная стрельба говорит.

– «Венец», в темпе – в прорыв! – несмотря на категоричность слов, сказаны они спокойным тоном, без акцента на то, что действовать необходимо быстро, потому что всей нижней группе и без того понятно, как нужно действовать.

И команда выполняется без задержки. Шесть фигур сразу же появились в кустах сбоку от утеса. Но подполковник Лавров ошибся, выбрал неправильное направление для прорыва. Он пошел более короткой, но более опасной дорогой, чем та, которой следовало бы возвращаться. И подполковник Клишин допустил промашку, не подсказал своему заместителю вовремя верный путь. Но советовать уже поздно. Противник знает направление прорыва и при повторной попытке может перекрыть вероятные пути перекрестным огнем.

– Прикрываем, все прикрываем… Все!

Подполковник сам отбросил бинокль, рывком приложил к плечу приклад автомата и сразу почувствовал, как резко бьет по мышцам отдача. Он начал активно стрелять, старательно исправляя собственную оплошность, желая прикрыть Лаврова и остальных по возможности наиболее плотным огнем. Но контроля над обстановкой Клишин не потерял и в этой ситуации. Дав несколько очередей, успел спросить своего снайпера:

– «Робин», что у тебя?

– Я снял троих в боковой группе, остальные отошли за пригорок или залегли так, что мне их не сыскать…

– Поддержи «Венца»…

– Уже поддерживаю…

Однако и противник, оставаясь по-прежнему скрытым кустами, усилил обстрел. Снова ухнул, как лесной филин, миномет. На сей раз, минометчик решил выбрать другую траекторию, и мина ушла круто вверх. Но слишком круто для того, чтобы достать преследуемых, и упала на склон на половине дистанции, разделяющей противостоящие стороны. Минометчик у боевиков оказался откровенно слабым, или он вообще не минометчик, а просто человек, которого обязали миномет таскать и постреливать время от времени, чтобы нагнать на противника страха. Но спецназовцев такими выстрелами испугать или остановить трудно. Однако следующая мина все же нашла просвет между деревьями и теперь легла почти на линии, на которую вышла группа Лаврова, хотя и намного правее. Минометчик после отдачи не правильно, должно быть, выровнял ствол.

– Я «Друг». «Венец», включай полные обороты. Могут пристреляться и накрыть…

– Спешу… Спешу… Чертов «компас»… – отзывается подполковник Лавров.

Он идет последним, толкая то кулаком, то рожком автомата в спину задыхающегося «компаса» – пленного радиста. Тот и хромает, и склоняется под пулями, и спотыкается на каждом шагу, не имея возможности помочь себе при движении руками, по-прежнему связанными за спиной. Непривычен к бою, должно быть, недавно попал к боевикам, иначе обстановка давно приучила бы его вести себя под пулями смелее. Подполковник уже не выдерживает, размахивается, чтобы как следует ткнуть стволом между лопаток, и подогнать пленного, но вовремя останавливает руку. Он хорошо понимает, что такое удар стволом в спину при опущенном предохранителе. Легкое сотрясение пальца может вызвать очередь.

– «Робин», ищи минометчика! – командует подполковник Клишин.

– Ищу… Давно ищу… Не вижу… Подскажите, кто видит…

– Я «Анчар». Видишь меня?

– Вижу…

– От меня на половину первого.[17] За сломанной сосной метров на сорок… Похоже, там…

[17] Направление определяется по циферблату часов, когда фронт находится на двенадцать часов. Отличается от определе-

– Мне кусты обзор закрывают.

– Они всем закрывают… – сердито говорит подполковник. – Все слышали? Плотным огнем, в несколько очередей, пробуем накрыть минометчика… Огонь!

Пули легли в кусты так плотно, что буквально скосили часть их. Но скосить основательные стволы деревьев даже пули не в силах. А деревья минометчика, как оказалось, прикрыли.

Группа Лаврова уже рядом. Осталось несколько метров до каменной гряды, способной сыграть роль бруствера и укрыть бойцов. Но в этом месте подъем крут, взбираться приходится, помогая себе обеими руками, и нет возможности отстреливаться на ходу.

– Быстрее… Быстрее… – подгоняет Клишин.

Но снова «ухнул филин», и истерично завыла в полете очередная мина. Теперь у минометчика уже была возможность пристреляться. И он выбрал правильный прицел. Мина легла за спинами группы подполковника Лаврова. Четыре человека уже успели пересечь спасительную каменную границу, укрывшую их от осколков, но сам подполковник и пленный разведчик-радист боевиков слегка отстали. Разведчик-радист после взрыва просто упал лицом в камни, а подполковник сделал еще два шага, руку протянул, чтобы за очередной камень ухватиться, и казалось, что он сумеет сделать последний рывок, чтобы перевалиться через бруствер. Но протянутая рука замерла, сам Лавров начал медленно выпрямляться, словно специально подставляя спину под выстрелы, и клониться назад. Так он и упал навзничь и покатился по склону…

Под гору, туда, откуда поднимался и где никто не в состоянии ему помочь…

Волком взвыл подполковник Клишин и одним отчаянным нажатием на спусковой крючок выпустил в кусты все оставшиеся в запасе патроны. Он даже выпрямиться попытался, чтобы лучше увидеть, что произошло с Лавровым, но засвистели над головой пули, а в воздухе взвыла новая мина, и командиру пришлось быстро присесть, спрятавшись за камнями.

– Я «Друг». Кто видит Лаврова?

– Я вижу… – отозвался снайпер. – Не шевелится… Ноги ему осколками перебило… И затылок в крови… Не шевелится…

– Присмотрись, жив?

– Не могу понять…

– Я «Анчар»… Рука… Рукой траву цепляет… Мне видно…

Подполковник бросил взгляд в сторону капитана Анчарова, прильнувшего к биноклю, и перепрыгнул через камень, чтобы спуститься чуть ниже. Пули снова пропели у головы, но Клишин не обратил на них внимания. Капитан протянул командиру свой бинокль. Клишин отмахнулся, не понимая, и поднял к глазам свой, и тут только увидел, что его бинокль разбит пулей. Бинокль Анчарова ничем не уступает командирскому. Подполковник всмотрелся в распростертое тело. Да, Лавров жив. Теперь он руку в локте согнул. Попытался упереться в землю, но голова, видно, слишком тяжела для ослабшего организма, и Лавров ее поднять не может.

– Лежи, Юра, лежи… – прошептал Клишин, не рассчитывая на то, что полковник его услышит.

Но оказалось, что Лавров был в сознании и слышал его в наушник «подснежника».

– Миша, пристрели… – голос слаб, но слова Лавров произносит четко. – Отбить не сможете… Мне видно… Их много… Пристрели…

– Отобьем… В плен возьмут, из плена вытащим… Держись, Юра…

– Пристрели… Или вытащи… Все, ломаю «подснежник»…

Коротковолновая персональная радиостанция предусматривает возможности самоуничтожения. Лавров подтянул руку к плечу, где под бронежилетом крепится корпус, и повер-

---

ния направления, когда двенадцать часов отсчитываются от северного направления. В разных группах применяются разные системы.

нул переключатель каналов связи во второе левое положение. Больше он ничего не слышит, и товарищи уже не слышат его. «Подснежник» пришел в негодность. Но и противник, если радиостанцию получит в руки, не сможет прослушать разговоры группы Клишина…

2

Дозваниваться долго не пришлось. Дежурный по антитеррористическому управлению «Альфа» сообщил Басаргину, что генерал Астахов будет только через полчаса – машину за ним давно уже послали, но заедет он в управление ненадолго – лишь документы заберет и сразу же отправится в аэропорт Жуковское… Генерал вылетает в срочную командировку.

– Куда?

– А это, Александр Игоревич, служебная информация, вы же должны сами понимать… – альфовцы, как всегда, не любят делиться даже простейшими сведениями с коллегами, как российскими, так и международными. Исключение составляют случаи, когда им самим помощь коллег требуется, но и при этом любая информация тщательно фильтруется. Скорее всего, нежелание делиться сведениями просто вошло в привычку, так же, как стремление любую информацию собирать. Хотя подобной привычкой обладают не только альфовцы, но и все сотрудники ФСБ. Басаргину как отставному капитану этого ведомства ситуация знакома достаточно хорошо.

– Понятно… Хотя и не совсем… Пусть обязательно позвонит в Интерпол. Есть для вас важные данные, – попросил Александр. – Это обязательно…

– Я передам генералу…

Басаргин положил трубку и посмотрел на часы. Хорошо, что не пришлось звонить генералу домой. Без пятнадцати семь. Обычные люди в это время еще досматривают сны, а утренние сны, как известно, самые сладкие. И не все хорошо относятся к тому, что их отрывают от этих снов. Впрочем, генерала, как и самих интерполовцев, отнести к обычным людям нельзя. Служба такая, что со снами считаться не приходится, в любой момент на работу вызвать могут.

– Пришел ответ из Лиона… – между тем сообщил Доктор Смерть, запуская в компьютере программу-дешифратор. – Хорошо, что так быстро. Будем надеяться, что у них есть какие-то полезные нам сведения…

– Наверняка что-то есть. Иначе бы еще час искали, а потом извинились бы за плохую информированность и ответно запросили бы информацию у нас, – согласился Тобако, устроившийся – пока нет хозяина – в глубоком кресле, которое обычно занимает «маленький капитан», как товарищи зовут своего сотрудника, отставного капитана спецназа ГРУ Виталия Пулатова. «Маленький капитан» это кресло бережет, как ревнивец собственную жену, и уступает его только по праздникам самым дорогим гостям или близким друзьям.

Басаргин молча встал рядом с принтером, дожидаясь, когда Доктор Смерть закончит расшифровку и запустит документ в распечатку. Наконец принтер щелкнул, загудел и начал втягивать в себя чистый лист бумаги. Доктор между тем стал просматривать шифровку с монитора.

– И что там? – не вставая с кресла, спросил Тобако.

– Общая сводка. Пункт один… Отмечен интерес эмиссаров Басаева к крутым русским парням в Европе. Но, похоже, они не нашли общий язык, поскольку встреча едва не закончилась общей перестрелкой. Сотрудник Интерпола наблюдал момент разговора издали и производил видеосъемку. Разговор подслушать возможности не представилось. При необходимости нам могут предоставить видеоматериал для идентификации личностей участников, но видеоматериал в Лион еще не доставили из Берлина. Пункт два… Через некоторое время были отмечены контакты других эмиссаров с советником ПАСЕ лордом Джаккобом, известным русофобом, постоянно поднимающим в Европарламенте вопрос о положении в Чечне. И

даже предоставлена фотография самих эмиссаров. Снимал журналист, внештатный сотрудник, который постоянно присматривает за пресловутым лордом. Чуть позже фотографию распечатаю. Аналитики Интерпола связывают деятельность лорда Джаккоба с предполагаемыми новостями с места событий. Возможно, с какими-то провокациями. Так уже бывало не однажды, и практика показывает верность статистических данных на восемьдесят процентов. Лорд за последние три года встречался…

– Дальше… – поторапливает Тобако, поскольку статистические данные его сейчас интересуют мало, а больше интересует информация, имеющая непосредственное отношение к событиям.

– Идем дальше… – Доктор тоже согласен, поскольку знает, что документы в дело будет подшивать Тобако, который статистические данные все равно просмотрит. – Пункт три… Зафиксирован отъезд двух бывших советских десантников из Эстонии. Произошло это после длительных контактов с подозрительными чеченцами. В эстонскую полицию заявили родственники пропавших, но позже сами пропавшие сообщили о своем неожиданном отъезде, позвонив по международной телефонной связи. Должно быть, им сразу не позволили это сделать. Откуда звонили – неизвестно, но при первом разговоре в трубке слышалась восточная музыка. Парни сообщили, что нашли хорошую работу и приедут домой только через несколько месяцев. Родственники отозвали свои заявления из полиции, но местная полиция успела до того передать данные по розыску в Интерпол. Пункт четыре… Хозяйственные вопросы, которые будет решать наш командир, а мы о них и слышать не будем… Вот так… Это все, что нашла для нас штаб-квартира…

– Ты сказал про общую сводку, – сказал Тобако. – Значит, есть еще и частная? Я правильно тебя понял?

– Обязательно, есть… Я же отправил циркулярный запрос. Сейчас запущу в расшифровку. Три сводки – из бюро Азербайджана, Казахстана и Грузии, пришли приложением, как и фотография… Фотография к тому же еще и заархивирована…

Басаргин молча забрал из принтера первый лист и положил на свой рабочий стол. Так же молча вернулся к принтеру, чтобы дождаться распечатки следующих сообщений. Доктор ввел сообщение в программу-дешифратор и снова уставился в монитор.

– Вот это уже ближе к действительности, – сказал он удовлетворенно и слегка дернул себя за бороду. – Наши коллеги в Тбилиси в этот раз хорошо поработали. Боюсь, им достанется по шапке от руководителей грузинского государства, поскольку эти руководители напрочь отвергают даже возможность подобных событий на своей территории…

– Будем надеяться, что мой сменщик в Поти окажется не менее расторопным, чем коллега в Тбилиси… – добавил Тобако.

– Сомневаюсь, что он будет работать на нас в свободное от службы время, поскольку свободного времени у него, я полагаю, не будет совсем, – возразил Доктор. – Мне почему-то так кажется, и кажется очень упорно… Дела в Грузии взяли новый крутой виток, и кто знает, сколько придется их разгребать. Год, два, три…

– Ему помогут быстро навести порядок, – не согласился Тобако. – У нас там остались толковые волонтеры, и они хорошо знают обстановку…

– Распечатывай быстрее… – просит Басаргин. – Сейчас генерал позвонит, надо ему что-то конкретное сообщить.

– Заряжаю Азербайджан… Текста мало, за пару минут расшифрует…

В дешифратор ушла следующая телеграмма, а Доктор, взяв из принтера лист бумаги, быстро передал его в руки Басаргина.

– Что в Грузии? – спрашивает Тобако.

– Подтверждение тому, что вы рассказали, – коротко глянув в небольшой текст, сообщил Александр. – По данным местных жителей, наблюдались непривычно частые перемещения

транспорта между грузинской территорией и приграничными чеченскими селами. Предположительно, в села доставлялись люди от одного до нескольких человек. Несколько раз наблюдатели имели возможность зафиксировать пассажиров – это были люди европейской или славянской наружности, одетые в камуфлированные костюмы. Других данных антитеррористическое бюро в Тбилиси пока не имеет…

– Азербайджан… – добавил Доктор Смерть. – Единичный факт вербовки бывшего сержанта спецназа ГРУ, впоследствии боевика местной мафии. И Казахстан… – Доктор несколько секунд подождал, пока программа дешифратор справится с работой. – И в Казахстане убийство еще одного сержанта… Незадолго до смерти он имел какие-то конфликты с чеченцами… Подозревается неудачный вариант вербовки…

Принтер вновь загудел, Басаргин уже уселся за свой стол, и Доктор протягивает руку, с места доставая до отпечатанных страниц, чтобы передать их командиру.

– Да, – сам с собой разговаривая, согласился Басаргин. – Теперь мы имеем полное право подозревать единую целенаправленную акцию и включаться в работу вместе с «Альфой»…

– Я думаю, что и спецназ ГРУ предупредить следует… – добавил Доктор.

– Позвони Мочилову… – предложил Басаргин после короткого раздумья. – Кстати, у полковника тоже могут быть дополнительные сведения.

Доктор смотрит на часы, хмыкает, включает на аппарате спикерфон, чтобы разговор могли слышать все присутствующие, и набирает номер «мобильника» полковника Мочилова из диверсионного управления ГРУ.

Если полковник и любит поспать, то трубку он держит не очень глубоко под подушкой. По крайней мере, ответил сразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.